

ПАРАДОКСЫ
ИСТОРИИ –
ДЕЛО РУК
ЧЕЛОВЕКА

*Самая страшная сила,
заставляющая гордого
и смелого человека
подчиняться
обстоятельствам, –
это мнение толпы.
Самая горькая обида –
непонимание
соотечественников.*

Чингиз Абдуллаев

Заговор
в начале
эры

Чингиз Абдуллаев

Заговор в начале эры

«PEN-клуб»

Абдуллаев Ч. А.

Заговор в начале эры / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,

Заговор под предводительством претора Катилины, пытавшегося захватить власть во времена республиканского Рима, чуть не привел римское общество к гражданской войне. Надеясь на помощь двух консулов, имеющих большое влияние в народе, – Юлия Цезаря и Марка Красса, Катилина рвался к управлению государством сначала путем «демократических» выборов, а затем и с помощью силы. И только мудрость Цицерона, выступившего в Сенате с разоблачительной речью, позволила избежать большой крови. Самые известные персонажи древнеримской истории становятся героями захватывающего боевика, в котором автор проводит аналогии с современным обществом.

© Абдуллаев Ч. А.

© PEN-клуб

Содержание

От автора	5
Вместо вступления	6
Часть I	7
Глава I	7
Глава II	17
Глава III	24
Глава IV	32
Глава V	39
Глава VI	46
Глава VII	56
Глава VIII	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Чингиз Абдуллаев

Заговор в начале эры

От автора

Человеческая память концентрирует основные общечеловеческие понятия, среди которых и боль прошлого. Иногда необходимо оглянуться и понять, какой изнурительно тяжкий путь прошло человечество в эпохи своего становления. В иные моменты этого развития кризис сотрясал даже мировые державы, какой была Римская республика в I веке до нашей эры. Под влиянием непримиримых классовых противоречий между угнетателями и угнетаемыми, имущими и неимущими разложение общества достигло наивысших пределов, моральные устои были повержены в прах, непримиримая римская нравственность сменилась неслыханным развратом. Общество, лишенное главных нравственных ориентиров, основанное на ложных моральных устоях и идеалах, неизбежно переживает процесс моральной деградации, стремительного разложения целого государства и народа. Общая атмосфера безнравственности, вседозволенности, распущенности неизбежно порождает заговоры. Заговоры против человечности.

Сейчас, в XXI веке, нелишне вспомнить суровый урок-предупреждение, полученный человечеством еще в канун нашей эры.

Вместо вступления

«Но когда трудом и справедливостью возросло государство, когда были укрощены войною великие цари, смирились перед силою оружия и дикие племена, и могущественные народы, исчез с земли Карфаген – соперник римской державы, и все моря, все земли открылись перед нами, судьба начала свирепствовать и все перевернула вверх дном. Те, кто с легкостью переносил лишения, опасности, трудности, – непосильным бременем оказались для них досуг и богатство, в иных обстоятельствах желанные. Сперва развилась жажда денег, за нею – жажда власти, и обе стали как бы общим корнем всех бедствий. Действительно, корыстолюбие сгубило верность, честность и остальные добрые качества; вместо них оно выучило высокомерию и жестокости, выучило презирать богов и все полагать продажным. Честолюбие многих сделало лжецами, заставило в сердце таить одно, вслух же говорить другое, дружбу и вражду оценивать не по сути вещей, но в согласии с выгодой, о пристойной наружности заботиться больше, чем о внутреннем достоинстве. Началось все с малого, иногда встречало отпор, но затем зараза расплзлась точно чума, народ переменился в целом, и римская власть из самой справедливой и самой лучшей превратилась в самую жестокую и нетерпимую...

Не в меньшей мере владела людьми страсть к распутству, обжорству и прочим излишествам. Мужчины отдавались, как женщины, женщины торговали своим целомудрием. В поисках лакомой еды обшаривали все моря и земли. Спали, не испытывая нужды во сне. Не дожидались ни голода, ни жажды, ни стужи, ни утомления, всякая потребность упреждалась заранее – роскошью. Это толкало молодежь на преступление, когда имущество истощалось: духу, отравленному пороками, нелегко избавиться от страстей, наоборот – еще сильнее, всеми своими силами привязывается он к наживе и расточительству».

*Гай Саллюстий Крисп
«Заговор Катилины»*

Часть I

Мечи и тоги

*И раскаялся Господь,
что создал человека на земле,
и восскорбел в сердце своем.*

Бытие, 6:6

*Не обманывайтесь:
Бог поругаем не бывает.
Что посеет человек, то и пожнет.*

К Галатам, 6:7

*Предаст же брат брата
на смерть, и отец детей:
и восстанут дети на
родителей и умертвят их.*

Евангелие от Марка, 13:12

Глава I

Нравы говорящего убеждают больше, чем его речи.
Публий Сир¹

Он вошел в конклав,² в котором уже находилось несколько десятков женщин. Сверкали драгоценные камни, золотые цепочки, изумрудные обручи на головах римских матрон, бело-снежные туники.³

«Почему все в туниках?» – пришла в голову тревожная мысль. Внезапно все исчезло. В конклаве уже никого не было. Только в дальнем углу стояла стройная фигура девушки. На ней была маленькая туника-интима,⁴ едва прикрывавшая ее тело. Он сделал несколько шагов вперед.

– Кто ты? – попытался спросить он, чувствуя, как перехватывает дыхание.

Девушка сделала шаг навстречу, и он узнал в ней свою дочь – Юлию.⁵

– Юлия, почему ты здесь? – тревожно спросил он.

Она молчала.

– Ты слышишь? – Кажется, он закричал.

Дочь по-прежнему молчала, устремив на него загадочный взгляд своих темно-карих глаз.

– Как ты здесь оказалась? Тебе не холодно? – спросил он, пытаясь стянуть с себя тогу.⁶

---

¹ Публий Сир (I век до н. э.) – древнеримский поэт и мыслитель, некоторые источники указывают, что в начале своей жизни он был даже рабом.

² Конклав – в первоначальном значении спальная комната римской матроны, позднее помещение, где запирались кардиналы для выбора папы римского.

³ Туника – род рубашки из шерсти или льна. Мужчины носили тунику до колен, женщины до лодыжек.

⁴ Туника-интима – небольшая рубашка без рукавов, которую носили девушки и женщины.

⁵ Юлия (82–54 гг. до н. э.) – дочь Гая Юлия Цезаря. Была замужем за Гнеем Помпеем, часто смягчая отношения между отцом и мужем. После ее смерти конфликты между ними разгорелись с большей силой.

⁶ Тога – верхняя одежда в Риме из белой шерсти. У сенаторов и всадников носилась с пурпурной каймой.

Дочь молча показала на дверь. Он резко повернулся. В конклав медленно входила женщина в изящном пеплуме.⁷

– Корнелия, – удивился он, узнав в женщине свою бывшую жену, мать Юлии, – ты же умерла пять лет назад, – неуверенно пробормотал он, чуть отступая в сторону.

Корнелия, подойдя вплотную, внезапно подняла руки над головой, и белый пеплум начал медленно сползать на землю. Она отвернулась. Он осторожно тронул ее за плечо. Нет, это не плечо его жены. Женщина сделала несколько шагов к скамье, и он внезапно увидел ее лицо.

– Мама, – узнал он ее, чувствуя, как с него спадают тога и туника. Он вдруг осознал, что стоит перед нею обнаженным. Ему стало неприятно, что мать видит его в таком виде, он попытался отойти в сторону, но ноги уже не слушают повелений его разума.

Мать осторожно опускается на скамью, бросает в сторону мамиларе и делает приглашающие жесты. Он хочет уйти, бежать, исчезнуть, но тело отказывается повиноваться рассудку. А женщина, лежащая на скамье, манит его все сильнее. Вот она схватила его за руку. Неужели это его мать Аврелия?⁸ Как хочется убежать. Нет, он не может этого сделать. Не может. Он мотает головой, пытается крикнуть, все напрасно. Женщина сильными руками валит его на скамью. Их ноги соприкасаются. Этого нельзя делать...

Цезарь⁹ наконец проснулся. Покачал головой, словно прогоняя сон. Провел рукой по глазам. Этот сон он видит уже во второй раз. В первый раз он видел его еще в Испании, когда служил там в должности квестора.¹⁰ Тогда прорицатели, которым он рассказал о своем сне, заявили, что подобный сон означает власть над всем миром, так как в образе матери он видел землю, почитаемую всеми как прародительницу всего живого. Но в прежних снах он насиловал мать против ее воли, а теперь она уже сама ложится на скамью. Цезарь снова покачал головой, отгоняя неприятное видение, и, резко встав, начал одеваться. Он не любил, когда ему помогали одеваться рабы. Римские патриции носили традиционные туники и тоги, разрешая рабам тщательно разглаживать складки на их платье, но Цезарь предпочитал одеваться самостоятельно. Лишь выходя из дома, он отдавал себя в руки своих рабынь, искусно драпировавших ему тогу. По тому, как она была задрапирована, римляне часто судили о культуре и образовании человека. Даже великий Рим не был свободен от тщеславия толпы, оценивающей человека по внешнему виду.

Цезарь надел сенаторскую тунику с широкой пурпурной каймой, с большой бахромой на руках, слегка подпоясав ее, что всегда вызывало многочисленные насмешки его недругов и

---

⁷ Пеплум – белое шерстяное платье, несколько стянутое в бедрах.

⁸ Аврелия (121—54 гг. до н. э.) – мать Цезаря, сыгравшая большую роль в его становлении.

⁹ Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.) – римский военный и политический деятель, полководец, писатель, оратор. Племянник Гая Мария, вождь популяров. Известен своими выдающимися полководческими талантами и качествами мудрого политического деятеля. Фигура Цезаря неоднозначно оценивается современной историографией, однако все признают мировое значение его деятельности.

¹⁰ В Риме все должности делились на две категории – ординарные и экстраординарные. К первым относились консулы – высшие должностные лица республики, избираемые на один год. Их власть была ограничена только в пределах города, вне его стен они пользовались неограниченными правами. В пределах городских стен на их решения могли наложить вето народные трибуны, также ежегодно избираемые в составе десяти человек. Трибуны могли налагать вето и на решения друг друга, что вело к многочисленным злоупотреблениям, однако вся их власть ограничивалась стенами города. Существовали также должности квесторов, или казначеев, избираемых на один год и действующих в городе и в провинциях. Часто квесторы являлись своеобразными начальниками интендантской службы в армии; эдилы исполняли функцию надзора за общественным порядком и благоустройством в пределах Рима. После консулов высшими должностными лицами были преторы, сначала десять, потом шестнадцать, уже после Цезаря – тридцать два. Главными считались так называемые преторы, являвшиеся как бы заместителями консулов в их отсутствие. Из всех должностных лиц только цензоры избирались на пять лет и следили за нравственностью в сенате, имея право пересмотра списка сенаторов. В связи с этим цензорами обычно выбирали наиболее уважаемых людей, консуляров, то есть бывших консулов. К экстраординарным магистратурам относились должностные лица, назначаемые во время чрезвычайных событий. Это были диктаторы, начальники конницы, избираемые военные трибуны с консулярной властью.

служило признаком крайней изнеженности. Надев на ноги сандалии-солеа, он сделал несколько гимнастических упражнений, окончательно приходя в себя после тяжелого сна.

Он уже закончил одеваться, когда к нему вошел его вольноотпущенник, иудей Зимри.

– Что случилось? – спросил Цезарь. – Опять приехали кредиторы?

– Нет, – Зимри покачал головой, – приехала твоя дочь Юлия. Она хочет видеть тебя.

– Скажи, что я буду в триклинии. Пусть пройдет туда. И распорядись, чтобы мне принесли позавтракать.

Зимри, поклонившись, вышел. Цезарь недовольно посмотрел на левую руку. Во время фонтаналий, великого празднества в честь бога источников – Фонтаналия, он сильно порезался, пытаясь заколоть жертвенную овцу. Поднявшись, он быстро направился к триклинию. Дочь уже ждала его, сидя на скамье и слушая веселую болтовню двух греческих рабынь, привезенных с Крита.

Когда Цезарь вошел в триклиний, обе девушки, обернувшись, испуганно замерли, вспыхнули и бросились вон. Он улыбнулся. Молодые рабыни очень боялись своего хозяина, хотя каждая из них в душе мечтала понравиться ему.

В описываемый нами период ему шел тридцать седьмой год. Высокого роста, великолепно сложенный, с красивым подвижным лицом, Цезарь нравился многим женщинам. Уже начинающий лысеть, он зачесывал поредевшие волосы с темени на лоб. Лицо было вытянутое, узкое, нос прямой, ровный. Огромный лоб занимал почти половину лица. Его пронзительные черные живые глаза насмешливо смотрели из-под бровей. Современники утверждали, что не всякий мог вынести взгляд этих пронзительно-насмешливых глаз, словно пронизывающий его собеседников. Рот постоянно кривился в усмешке. К тридцати семи годам он уже успел стяжать славу первого любовника многих знатных римских матрон в Риме и далеко за его пределами.

Дочь была похожа на отца. В девятнадцать лет она расцвела, превратившись в настоящую красавицу. Высокая, стройная, с густой копной темно-каштановых волос, красивыми, несколько раскосыми темно-кариими глазами, она постоянно улыбалась, обнажая два ряда великолепных белых зубов. Ее ровный, маленький, чуть вздернутый носик придавал лицу неповторимое очарование. От отца Юлия унаследовала чуть выпуклый лоб и пронзительный взгляд, придававший лицу еще большую привлекательность.

Отец гордился красотой своей дочери, стараясь угодить ей во всем. После того как пять лет назад умерла Корнелия, первая жена Цезаря, он отдал дочь на воспитание своей матери, а сам женился во второй раз, на Помпее. Дочь и мачеха не любили друг друга и старались видеться как можно реже. И когда Цезарь полгода назад переехал в государственное здание на Священной дороге, дочь осталась с матерью в доме на Сабуре.

Юлия, увидев вошедшего отца, вскочила и бросилась к нему на шею.

– Добрый день, великий жрец, – насмешливо сказала она, обнимая отца.

– Добрый день, маленькая проказница, – Цезарь улыбнулся, обнимая дочь, – мне говорили, что у тебя появился новый поклонник, и я думал, что ты совсем забыла меня. Дай я на тебя посмотрю, – отец отступил на шаг. – Клянусь Венерой,¹¹ ты выглядишь прекрасно, – сказал он, радостно улыбаясь.

Дочь вспыхнула от радости. На ней была голубая столла,¹² ниспадающая до земли, через плечо была наброшена палла,¹³ на шее виднелось ожерелье из сирийских камней, подаренное ей отцом. Волосы были стянуты в тугий узел сверху.

---

¹¹ Венера – богиня любви и красоты.

¹² Столла – широкая юбка из тонкого полотна с большим поясом.

¹³ Палла – римский женский плащ, который имели право носить только свободные гражданки, наподобие мужской тоги.

– Насчет поклонников тебе, конечно, рассказала твоя жена, – сморщила носик Юлия, – она, как всегда, все знает.

– А разве это неправда?

– Конечно, неправда. Эмилий действительно влюблен в меня, но я его не люблю. Он глуп, невероятно глуп. А мой избранник должен быть очень умным, как ты. Или похожим на тебя.

– Значит, он будет намного старше тебя, – вздохнул Цезарь, опускаясь на скамью, – а с таким тебе будет неинтересно.

Дочь подозрительно посмотрела на отца. Широко улыбнулась.

– Великий Цезарь хочет сказать, что женщинам бывает с ним неинтересно. Может, поэтому все римские жены только и говорят о тебе.

– Довольно, довольно, – Цезарь поднял руку, – я не хочу об этом ничего слышать. Посмотри на мою лысую голову. Этот мошенник Эпаминон каждый раз, втирая свои мази, уверяет меня, что волос становится больше. А по-моему, скоро вообще ничего не останется.

Дочь села на скамью рядом с отцом. Посмотрела на него и насмешливо заметила:

– Твоя лысина только украшает тебя. Кстати, Сервилия просила передать, что будет ждать тебя у себя дома. Говорит, что у нее есть к тебе дело.

Цезарь кивнул головой, ничем не выдавая своих чувств. Сервилия была единственной женщиной в Риме, которую он не только искренне любил, но и глубоко уважал, прислушиваясь к ее мнению.

– Да, мы должны обсудить с ней поведение одной из весталок в моей коллегии, – лицемерно вздохнул Цезарь.

– Это ты скажешь своему другу – цензору Крассу, когда он придет к нам требовать отчета о твоей нравственности. А мне говорить не стоит.

Дочь явно переигрывала отца, и Цезарю доставляла удовольствие эта игра. Он с гордостью посмотрел на Юлию. В конце концов, это была его дочь.

Вошедшие рабыни начали вносить кушанья – хлеб, масло, сыр, маслины, мед, фракийские яблоки,¹⁴ доставляемые в Рим поздней осенью. Одна из рабынь поставила на стол большую чашу с пшеничной кашей, приготовленной из двузернянки,¹⁵ столь любимую Цезарем.

Высокий сириец внес небольшой кувшин цекубского вина и начал разливать его в коринфские чаши, украшенные серебряной чеканкой.

Цезарь покачал головой, подзывая к себе раба:

– Как тебя зовут?

– Беллубани, господин. Я из Сирии, – ответил раб, наклоняя голову.

– Учти, Беллубани, я не пью по утрам вина. Ты новичок и поэтому запомни, что в мою чашу нужно наливать только воду. И незаметно для гостей. Когда я захочу вина, я сам скажу об этом.

– Слушаюсь, господин.

– Вот ей можешь налить, – разрешил Цезарь, показывая на дочь, – только разбавь его водой. А мне налей того медового напитка из большого кувшина.

Медовый напиток,¹⁶ столь любимый римлянами, готовился из сока и меда.

В триклиний вошла молодая рабыня в греческом платье, неся запровленных орехами голубей. Юлия внимательно посмотрела на нее.

– Какая красавица, – тихо прошептала она, – откуда это чудо у тебя?

---

¹⁴ Фракия – территория современной Болгарии, завоеванная римлянами. Фракийцем был вождь восставших рабов Спартак.

¹⁵ Пшеничная каша из двузернянки – описана Плинием Младшим в его письмах (Книга I, письмо 15).

¹⁶ Медовый напиток – готовился из виноградного сока и меда: на 13,13 л сока клали 3,27 кг меда.

– Прислала Эвноя, царица Мавритании, – ответил равнодушно Цезарь. – Она действительно очень красива, но пока не знает нашего языка. Кстати, не думай, что это такой роскошный подарок, – ворчливо заметил он, – я послал мужу Эвной, царю Богуду,¹⁷ десять рабынь с известью на ногах.¹⁸ А получил взамен только трех.

– Если они все такие, то стоят десятерых, – восхищенно заметила дочь, взглядываясь в рабыню.

– Если она тебе так нравится, можешь забрать ее, – милостиво разрешил Цезарь, – кстати, научишь ее греческому и латинскому.

Дочь улыбнулась:

– Ты, как всегда, невероятно щедр. Ты не меняешься, Цезарь. Про твою щедрость рассказывают легенды в Риме.

– Что-то обо мне стали много говорить, Юлия, ты не находишь?

– Не больше, чем об этом скандалисте Катилине.¹⁹

Цезарь, протянувший руку к чаше с водой, замер, повернув голову к Юлии.

– А что говорят о Катилине?

– Разное. Старики его ругают, а молодежь, кажется, поддерживает. Но не все. Многие говорят, что ему нельзя доверять. – Дочь увлеченно мазала на хлеб масло.

– А как считает Эмилий, твой избранник? Его отец – Децим Юний Силан выдвинут для избрания консулом на будущий год. Что думают в их семье?

– Эмилий говорит, что отец считает Катилину авантюристом.

– Так и сказал? – Цезарь испытующе посмотрел на дочь.

– Да, и добавил, что отец удивляется мягкости Цицерона, не решающегося покончить с мятежным сбродом Катилины.

Цезарь задумался. Значит, оптиматы настроены решительно против Катилины. Нужно ли поддерживать его в такой ситуации? Не лучше ли посмотреть, чем все это кончится. Он не заметил, как из триклиния тихо вышли рабыни. Дочь прервала его молчание:

– Почему ты не ешь?

– Я думаю. – Цезарь почесал мизинцем левой руки голову. – Сейчас вдруг я вспомнил, что ты часто бываешь в доме Сервилии. А тебе не нравится ее сын? Он ведь старше тебя всего на два года. И очень умен, по-моему.

– Даже слишком, – презрительно сказала дочь, – он так умен и добродетелен, что ничего не замечает вокруг. Как греческий бог – пустая статуя, увлеченная своим совершенством.

– Ты знаешь, – осторожно заметил отец, – я не верю в предсказания наших жрецов, хотя сам являюсь верховным жрецом. Но наши прорицатели в один голос утверждают, что имена Цезаря и Брута²⁰ будут стоять рядом.

– А они и так уже стоят рядом, – снова насмешливо заметила дочь. – Весь город считает, что Брут – твой сын. Ты его любишь, по-моему, даже больше меня.

– Я люблю его мать, – честно заметил Цезарь, – и поэтому хорошо отношусь к ее сыну.

– Конечно, – Юлия рассмеялась, макая хлеб в мед, – ты даже не представляешь, как Сервилия просила передать, что будет тебя ждать. Надо было видеть ее лицо.

---

¹⁷ Богуд – царь Мавритании, союзник Цезаря в гражданской войне.

¹⁸ Известь на ногах – клали на ноги девушкам, впервые выставленным на продажу.

¹⁹ Луций Сергий Катилина (108—62 гг. до н. э.) – вождь заговорщиков против сената. Беспринципный авантюрист, известный своей жестокостью и развращенностью, во всяком случае, таким его рисует Саллюстий Крисп.

²⁰ Марк Юний Брут (85—42 гг. до н. э.) – вождь заговора против Цезаря, один из его убийц, известный политический деятель, зять Катона. По свидетельству Светония и других историков, Цезарь очень любил его мать Сервилию. Согласно некоторым источникам, Брут даже сын Цезаря.

– Я представляю, – Цезарь устремил на Юлию свои пронизательные глаза, – а ты с большим удовольствием передаешь мне ее слова, зная, что я пойду туда и испорчу настроение Помпею.

– Твоя жена недостойна тебя, – заметила дочь с набитым ртом, – тебе нужна совсем другая женщина. И даже не такая, как Сервилия.

– А какая? – улыбнулся Цезарь. – Ты можешь мне помочь?

Юлия встала со скамьи. Пересела к отцу на колени и обхватила его шею руками.

– Ты действительно самый лучший мужчина в Риме. Если я не была бы твоей дочерью, я бы любила тебя как Аполлона,²¹ клянусь великими богами. Лет десять назад, я помню, тогда еще была жива мама, она однажды сказала мне: «Твой отец не человек. Он бог или полубог. Он все знает, все видит, обо всем догадывается. Мне так интересно с ним и так страшно». Вчера, – продолжала дочь, – я была у твоей сестры. У ее дочери Атии благодаря покровительству Матуты²² родился сын. Ты знаешь об этом. Его назвали Октавианом.²³ Я привела к ним старика Пакувия. Говорят, он лучше всех в Риме умеет гадать по внутренностям птиц. Старик рассек при мне двух гусей и, внезапно упав на колени, стал показывать на младенца. А потом встал и объявил, что этот ребенок будет повелителем всего мира. А власть передаст ему мой отец – Гай Юлий Цезарь, верховный понтифик Рима. Предсказатели не могут так часто ошибаться, великий жрец, – тихо прошептала Юлия на ухо отцу, – значит, ты действительно будешь править всем миром.

– Согласен, – улыбнулся Цезарь, – но с одним условием. Ты должна родить мне внука, чтобы я ему передал эту власть, а не Октавиану. Договорились?

– Договорились, – Юлия припала к отцу, – только тогда сам выбери мне мужа.

Отец, закрыв глаза, вспоминал. Он очень любил свою первую жену – Корнелию, мать Юлии. Ведь даже всемогущий диктатор Сулла не сумел заставить его развестись с ней. Корнелия была дочерью самого Цинны,²⁴ заклятого врага Суллы, четырежды избиравшегося консулом. Это была первая женщина Цезаря. До семнадцати лет он сохранил девственную чистоту, столь удивительную для юношей и подростков того времени. Как он тогда смущался в первую брачную ночь. Впрочем, и Корнелия вела себя не лучше. Спустя десять лет после свадьбы она призналась ему, что очень боялась этой ночи. После смерти Цинны он остался единственной опорой для этой маленькой женщины и не собирался с ней расставаться даже под страхом жесточайших наказаний.

Решением Суллы у него отняли жреческий сан, лишили родового наследства и приданого жены. Но и тогда молодой Юлий проявил упорство. Он не отказался от жены и дочери и даже вынужден был бежать из Рима. В страшной ярости диктатор отдал приказ найти и умертвить молодого патриция. За Юлием Цезарем вступились многочисленные родственники из самых могущественных родов Рима. Сам Сулла был вынужден отступить, при этом он пророчески заметил: «Ваша победа, получайте его, но знайте: тот, о чьем спасении вы так стараетесь, станет гибелью для дела оптиматов, которое мы с вами отстаиваем: в одном Цезаре таится много Мариев».

Гай Юлий всегда с удовольствием вспоминал это высказывание великого диктатора, тем более приятное, что его тетка по отцу была женою прославленного полководца, лидера популяров Гая Мария, шесть раз избиравшегося консулом Римской республики. Пять лет назад, когда он уже был квестором в Испании, умерла Корнелия. По странной прихоти судьбы нынешняя супруга Цезаря – Помпея – была внучкой самого Суллы, дочерью Руфа Квинта Помпея,

---

²¹ Аполлон – древнегреческий бог красоты и любви.

²² Матута – богиня утренней зари, помогавшая женщинам разрешаться от бремени.

²³ Октавиан Август (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.) – преемник Цезаря, первый римский император, внучатый племянник Цезаря.

²⁴ Луций Корнелий Цинна (141–84 гг. до н. э.) – политический деятель, отец первой жены Цезаря.

зятя диктатора, убитого марианцами. Конечно, Помпея очень любит его и, может быть, более страстна и темпераментна, но как иногда ему не хватает непосредственности Корнелии. А любимая дочь всегда чем-то напоминает ему так рано умершую жену.

– О чем ты задумался, – прервала его размышления дочь, – ты уже ищешь мне мужа?

– Да, думаю отдать тебя за Катилину, – насмешливо сказал отец.

– За этого развратника. Я совсем не против. Но неужели великий жрец захочет породниться с таким беспутным типом? Вот никогда не поверю.

– Это единственный человек, который сможет держать тебя в узде. Хотя, конечно, я шучу. Вы бы съели друг друга в первую же ночь. Но, откровенно говоря, тебе нужен сильный мужчина, Юлия. В наше время женщине бывает очень трудно одной. Даже если она моя дочь.

– Но на твое благосклонное покровительство я могу рассчитывать? – лукаво прищурилась дочь.

– Только если ты дашь обет целомудрия, – в тон дочери ответил Цезарь. – Кстати, если ты все-таки слезешь с меня, я позавтракаю.

Дочь, вскочив на ноги, засмеялась:

– Ешь, ешь. Я не буду мешать.

Но едва Цезарь принялся за трапезу, как в триклиний вошел вольноотпущенник Зимри.

– К тебе гость, – тихо сказал он и, выразительно посмотрев на Юлию, еще тише добавил: – Тот самый.

– Проводи его в таблин,²⁵ там нас никто не услышит, – так же тихо сказал Цезарь, – и проследи, чтобы нам не мешали.

Едва Зимри вышел, как Юлий поднялся. Дочь с улыбкой смотрела на него.

– Твоя очередная поклонница или неожиданный кредитор?

– Ты не угадала, – Цезарь ласково коснулся ее волос, – я все-таки должен буду отдать тебя замуж поскорее, чтобы ты упражнялась в остроумии со своим мужем.

Уже выходя, он обернулся.

– А что ты скажешь насчет Цицерона? Он, правда, женат, но его кандидатура как раз для тебя... – Отец подмигнул дочери.

Юлия оглушительно расхохоталась, представив себе вечно озабоченного консула и оратора своим мужем. «Его унылое лицо способно вызвать только отвращение, – подумала девушка. – А его ораторские качества хороши в суде, но не в конклаве».

И все-таки мать была права. В Риме нет более умного и красивого мужчины, чем ее отец. От этой мысли было радостно и чуточку грустно. Она была единственной женщиной Рима, не имеющей абсолютно никаких шансов. Юлия тихонько вздохнула.

А мысли Цезаря были уже далеко. Предстояла очень важная встреча, и он понимал, как много от нее зависит. У входа в таблин стоял Зимри и еще один вольноотпущенник. Цезарь, указав на него глазами иудею, вошел внутрь. Навстречу ему поднялся молодой высокий патриций, одетый в римскую тогу, окаймленную пурпурной каймой, что указывало на его принадлежность к высшему сословию римского народа.

У него было решительное смелое лицо, могучая, выступающая вперед нижняя челюсть, большие темно-серые глаза, густые брови и упрямо сжатые тонкие губы, постоянно кроющиеся в недоброй усмешке. Впечатление портили бледность лица и внезапно загоравшиеся в безумном блеске глаза. Эту мощную фигуру, тяжелое массивное лицо, гордые безумные глаза знал весь город. Это был Луций Сергей Катилина, успевший прославиться своими вызывающими

---

²⁵ Таблин – городской римский дом, состоит из атрия, то есть приемной комнаты, или в больших домах парадного зала, куда входили с улицы через портик и остий (то есть переднюю). За атрием обычно находился таблин – комната хозяина дома, кабинет. Из атрия и таблина коридоры вели к перистиллю, внутреннему дворику, открытому сверху и окруженному колоннадой. По сторонам жилые и рабочие комнаты, триклиний (то есть столовая), конклав (то есть спальня) и другие помещения. Дома часто бывали двух- или трехэтажными.

кутежами и дружбой с отъявленным сбродом «Вечного города». Ему шел сорок пятый год. Двадцать пять лет назад он был одним из самых ярких сторонников Суллы и нажил немалое состояние на проскрипциях сулланцев. По существующему положению, имущество осужденного подвергалось конфискации, а часть его шла доносителю или обвинителю. Награда назначалась за убийство или выдачу даже рабу. За укрывательство полагалась смертная казнь. В списки проскрибированных включались личные враги сулланцев, и Катилина умудрился включить туда даже своего брата, чье имущество он затем наследовал. Уже после смерти Суллы, в год консульства Марка Терренция Варрона Лукулла и Гая Кассия Лонгина, Катилина был обвинен в кощунственных связях с весталкой Фабией, причем против него тогда выступал молодой Цицерон, жена которого была сестрой Фабии. Но Катилину поддержали оптиматы. Его адвокатом выступил Квинт Лутаций Катул,²⁶ и он был оправдан. Но когда через несколько лет, уже при консулах Цецилии Метелле и Квинте Марции, его избрали претором, свирепый нрав Катилины сыграл с ним дурную шутку. Ему дали управление провинцией Африка, и бешеный патриций устроил там настоящий разгул террора и беззакония. Римский суд вынужден был рассматривать дело Катилины по жалобе африканской делегации. Но тот же римский суд оправдал своего наместника. Однако сам процесс подорвал шансы Катилины на избрание консулом. Спустя год он выставил свою кандидатуру и потерпел поражение. И вот теперь Катилина вновь выставил свою кандидатуру, намереваясь использовать свой последний шанс победить на выборах и пройти в консулы. Цезарь понимал, что в случае неудачи Катилина способен на все. Его люди уже не скрывали своих планов силой оружия привести Катилину к власти. В стране назревала гражданская война.

Увидев гостя, Цезарь постарался улыбнуться.

– Ты уже здесь?

– Да. – Катилина сделал несколько шагов вперед. – Я пришел в последний раз узнать, что ты намерен делать, Цезарь?

– Прежде всего доесть свой завтрак, – спокойно сказал Цезарь, стараясь не замечать вызывающего тона Катилины.

– Ты издеваешься над нами, – вспыхнул Катилина. – Уже который месяц ты не даешь ясного ответа, на чьей ты стороне. Может, ты намерен поддержать на выборах этих толстозадых сенаторов, обжиралов, зарвавшихся в своей роскоши? Тебя устраивает такое твое жалкое положение верховного понтифика? И это представитель великого рода Юлиев. – Катилина возбужденно зашагал из стороны в сторону. – У тебя ведь не меньше долгов, чем у меня, Цезарь. На что ты надеешься?

– Даже больше, намного больше, – Цезарь спокойно опустил на стоящую рядом скамью. – Ты ведь знаешь, что я выставил свою кандидатуру в преторы, и сенат вместе с римским народом решил поддержать меня.

– Всего лишь претором, – Катилина поднял руки вверх, – великие боги да вразумят такого слепца, всего лишь претором! А мы готовы дать тебе все – звания, титулы, богатства, сделать тебя консулом, если хочешь. Лишь бы ты повел своих популяров за нами. Я достаточно откровенен с тобой, как видишь. Только с твоей помощью мы сможем разгромить этот презренный сенат, только твоя воинская мудрость поможет разбить армию Помпея, вновь сделать римлян римлянами, отменить долги, дать всем землю. Если меня изберут консулом, – продолжал Катилина, – я сам подниму армию в защиту прав римлян.

«Обычная демагогия, – подумал Цезарь, прекрасно знавший, что Катилина и его соратники больше думают о своих долгах, чем о чужих. – Интересно, с каких пор они стали защищать права римлян и так ненавидеть оптиматов. Не тот ли Катилина был ревностным сторонником оптиматов, когда ему было выгодно», – снова подумал Цезарь.

---

²⁶ Квинт Лутаций Катул (консул 78 года до н. э.) – один из вождей оптиматов, непримиримый враг Цезаря и Помпея.

– Еще не время, – загадочно сказал он, – партия сената очень сильна. У оптиматов есть все – легионы, деньги, магистраты, огромная восточная армия Помпея. Нужно готовиться более тщательно, сеять вражду в их рядах, что совсем нетрудно сделать, привлекать на свою сторону их сторонников, суметь собрать собственные легионы и повести их за собой. Но сегодня успех борьбы решается в избирательных комициях, и надо быть готовым к этому спору.

– Мы должны решить наш спор силой оружия, а не болтовней, – гордо отозвался Катилина. – Манлий начал набирать войско в Этрурии. Глупец Цицерон считает, что можно победить одним лишь ораторским искусством. Я докажу ему, что он ошибается.

– Не нужно недооценивать его искусство. Это также необходимо, – возразил Цезарь. – Что касается Манлия, то скажи мне честно, сколько легионов он сможет собрать?

Катилина задумался:

– Два, может быть, три. Но если мы придем ему на помощь и я своей консульской властью разрешу ему набор легионов, то и все пять-шесть.

Цезарь не подал виду, что уловил нотки сомнения в голосе патриция.

– Шесть легионов Манлий не соберет никогда, – уверенно решил он, – да и боеспособность этих войск будет куда ниже армии Помпея. Для консульской власти тебе нужна популярность у народа, а ты отталкиваешь многих своей дикой программой перерезать всех оптиматов, едва придешь к власти. А ведь на этих людях держится наше общество. Даже наш друг Красс, – при этих словах Цезарь улыбнулся, – сказал недавно, что ты часто бываешь неуправляемым. А ведь большую часть твоих денег на избирательную кампанию дал именно он. Нужно завоевывать популярность у народа, а не только у гладиаторов и безземельных должников. Их мечи не засчитываются как голоса избирателей. Успех у нищей толпы можно завоевать, швыряя ей деньги и различные подачки. И эти деньги тебе должны давать те же оптиматы. Необходимо постоянно расширять число своих соратников, а ты своими дикими действиями только сокращаешь их.

Катилина нетерпеливо махнул рукой.

– Ты отказываешься?

– Я не поддерживаю оптиматов, но и за тобой пока не пойду, – твердо сказал Цезарь. – Может быть, позже, когда буду уверен, что за мной пойдут все популяры.

– Хорошо, – ответил патриций, – я обдумаю все, что ты мне сказал. Но за кого ты будешь голосовать на предстоящих выборах? За меня, Лициния Мурену или Децима Силана?

– Я отдам свой голос за тебя и Мурену, – твердо пообещал Цезарь.

– Я верю тебе, – сказал Катилина, – но и ты решай поскорее, а то можешь опоздать, Цезарь. Прощай, – и он решительными шагами вышел из таблина.

«Кажется, наш государственный разговор закончился», – задумался Цезарь. Неужели он так никогда и не решится. Что это, трусость? Цезарь подумал. Или он излишне осторожен? Нужно спешить, ведь ему уже тридцать семь лет. А он пока одерживает победы только в конклавах знатных матрон Рима. Ему нужны когорты, легионы, армии – преданные и дисциплинированные. Ему нужны восторг и почитание этой, презираемой им римской толпы, ее обожание. Ему нужно поклонение сената. Ему нужна слава Ганнибала, Александра, Гая Мария. А пока...

Пока он должен притворяться и лгать, угождать оптиматам, выставлять себя защитником популяров и незаметно подчеркивать везде, что только он – Гай Юлий Цезарь – наиболее достойный преемник и Суллы, и Мария. А Катилина и его люди очень ненадежная ставка. Они кричат о своих планах на всех углах. Вот Клодий,²⁷ тот ему может пригодиться на случай всякой неожиданности. Сколько денег он тратит на глупые забавы ребят Клодия. Но он верит,

---

²⁷ Клодий Публий Пульхр (93–52 гг. до н. э.) римский политический деятель, известный своими разнузданными выходками и дерзким характером. Враг Цицерона и Катона, создавший специальные отряды молодых людей, терроризировавшие Рим.

что все это еще окупится. «Великий Юпитер, если бы у меня была такая армия, как у Гнея Помпея». Он даже вспыхнул от этой мысли. Он нашел бы ей более достойное применение, чем сражаться в Азии, на краю цивилизованного мира. Огромные территории лежат здесь, совсем рядом. Вся Галлия, населенная варварами, германские земли, далекие острова бриттов. Вот куда нужно направлять главный удар, завоевывая эти земли. А потом, потом, если повезет, поворачивать свои легионы на Рим. Галлия ведь здесь, на границе, не так далеко, как Сирия. И сразу стать консулом, диктатором, триумфатором. Вот цель, достойная его жизни. На этих выборах он лишь кандидат в преторы. Но он уже сейчас не сомневается, что будет избран. Слишком памятна его недавняя победа, когда римляне единодушно отдали ему предпочтение, избрав его верховным понтификом. А ведь он победил двух сильнейших конкурентов, опиравшихся на всю мощь своей славы, величия, прошлых заслуг и сенатского большинства. Против него не устояли Публий Ваттий Иссарик и Квинт Лутаций Катул. Даже в их собственных трибах он собрал голосов больше, чем они. Интересно, как будет через три года, когда, согласно римским законам, он сможет наконец выдвинуть свою кандидатуру в консулы. Согласно принятым законам, граждане могли выдвигать свои кандидатуры только по достижении сорокалетнего возраста, и Цезарь знал, как нелегко ему будет ждать эти долгие три года.

Непонятно почему он вдруг вспомнил Сервилию и ее молодого сына – Брута. Нужно будет иметь в виду этого мальчика. Кажется, его действительно ждут великие дела.

Глава II

*Дух: из животных он тел
Переходит в людские, из наших
Снова в животных, а сам
Во веки веков не исчезнет.*

Публий Овидий²⁸ «Метаморфозы»
(Перевод С. Шервинского)

Несколько всадников скакали во весь опор по Фламиниевой дороге. Они, очевидно, очень спешили, лишь иногда разрешая коням чуть замедлить свой бег, давая отдохнуть измученным животным. Почти у самого Рима они свернули направо, на Остию, и, не сбавляя темпа, перешли на Аппиеву дорогу. Вскоре показалась небольшая вилла, принадлежащая знатному патрицию претору Публию Корнелию Лентулу.²⁹

Один из подъехавших всадников сильно постучал. Во дворе залаяли собаки, послышались голоса и громкий крик:

– Кто идет?

– Мы приехали по приглашению наших друзей, – отозвался один из всадников.

– Мрак и свет, – добавил другой, прокричав, очевидно, пароль.

Ворота тотчас со скрипом открылись. Всадники въехали вовнутрь и спешили. В глубине двора их уже ждали двое патрициев, одетые в традиционные римские тоги. Приехавшие начали отстегивать трабеи.³⁰

– Приветствуем тебя, доблестный Катилина, – раздалось сразу несколько приветствий.

Патриций кивнул головой, протягивая им руку. Сжимая каждому правую руку у локтя в традиционном римском приветствии, Катилина внимательно всматривался в лица прибывших, словно стараясь проникнуть своим безумным взглядом в душу каждого. Затем обернулся к хозяину виллы:

– Проследи, чтобы нам не мешали.

– Я уже распорядился, – кивнул Лентул.

Несколько слуг увели измученных лошадей, и все двинулись к дому. Миновав эргасту³¹ и поднявшись по лестнице, они прошли в дом, пропуская первым Катилину. Хозяин предложил идти в атрий, где их ждали, и Катилина согласно кивнул головой. Атрий считался центральной комнатой в любом римском доме. В середине его был очаг для отопления и приготовления пищи, причем дым уходил вверх через комплювий. В полу под отверстием делалось углубление для стока и хранения дождевой воды. В атриях обычно стояли жертвенники, где произносили молитвы римским богам.

Первым в атрий вошел Катилина. За ним Лентул и все остальные. Там уже сидело человек десять гостей. Одни, постарше, возлежали на почетных ложах, другие, помоложе, ходили по атрию. Вошедшие стали обмениваться с ними короткими приветствиями. Очевидно, многие знали друг друга. Появившиеся рабы внесли две большие амфоры фламенского вина и начали разливать его в чаши. Все расселись по скамьям. В отличие от других, Катилина сел прямо, почти не касаясь спиной края скамьи и не пытаясь разлечься, как многие из гостей.

---

²⁸ Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. – 18 г. н. э.) – известный римский поэт, создатель целого цикла любовных элегий.

²⁹ Публий Корнелий Лентул Сура (уб. в 63 г. до н. э.) – римский политический деятель, сторонник Катилины, исключен из сената за свое аморальное поведение, принимал активное участие в заговоре Катилины.

³⁰ Трабея – парадный плащ римлян с большой пурпурной каймой.

³¹ Эргаста – специальное помещение для рабов на виллах.

Переждав, когда все сидевшие в триклинии опустошат свои чаши, Катилина начал своим звучным голосом:

– Наши друзья прибыли из Этрурии от Гая Манлия. Сначала послушаем их. Начинай, Цепарий.

Поднялся высокий мужчина. Пыль еще не просохла на его высоких доспехах римского центуриона. Безобразный шрам, тянувшийся по правой щеке, только усиливал неприятное впечатление от его выпученных, почти неподвижных рыбьих глаз. Глухим голосом он начал говорить:

– Манлий сообщает, что может собрать в Этрурии два легиона солдат из бывших сулланских ветеранов. Если нас поддержат вольноотпущенники Корнелиев, то общая численность наших войск может дойти до двадцати пяти – тридцати тысяч.

При этом известии заговорщики радостно переглянулись.

– Стоящие сейчас в Апулии три когорты пятого легиона почти целиком на нашей стороне, но командующий ими трибун Корнелий Бальб Луций присоединится к нам лишь в том случае, если нас поддержат Красс и Цезарь.

– У тебя все? – коротко спросил Катилина.

Цепарий кивнул головой, опять садясь на скамью.

– А что у нас в самом городе? – обратился Катилина к Лентулу.

Хозяин виллы, не вставая, лениво повернул голову и не спеша начал говорить:

– Наши отряды готовы. Сталий и Габиний уже отобрали людей, которые могут поджечь город одновременно в двенадцати местах. Цетег с несколькими друзьями проникнет в дом Цицерона и убьет его. Новый Приск поедет на юг, к своему дяде Волкацию Туллу, консуляру и бывшему наместнику Македонии, который должен скоро прибыть в Бриндизий. Если не удастся склонить консуляра на нашу сторону, а он примет командование когортами в Этрурии, Новый должен убить его.

– А в самом городе как будет с Аврелием Антистием? – спросил кто-то из гостей.

– Здесь сидит его сын, – мрачно сказал Лентул, – Вибий Аврелий. Если командующий римскими когортами в городе не перейдет на нашу сторону, сам Вибий решит его судьбу.

– Новый и Вибий, – громко спросил Катилина, всматриваясь в лица двух юношей, – не дрогнут ли ваши руки? Сумеете ли вы поднять кинжалы против родных, во имя свободы и равенства? А может, вы боитесь и не решаетесь, есть еще время отступить?

– Нет, – тихо сказал Вибий.

– Не отступим, – чуть громче отозвался Новый.

Катилина радостно кивнул, и его лицо осветила странная улыбка. Некоторые из присутствующих содрогнулись: настолько кощунственной выглядела эта улыбка на лице человека, готовившего здесь массовые отцеубийства.

Погрязшие в долгах, привыкшие к беспутству и мотовству, эти юные отпрыски знатных римских семей успели запятнать себя такими грязными проступками и преступлениями, что от них отреклись даже их собственные родители.

Вибий Аврелий происходил из великого рода Аврелиев, давших Риму несчетное число полководцев и консулов. Еще в семнадцатилетнем возрасте он стал завсегдатаем грязных таверн, связался с Катилиной и даже отрекся от семьи. В поисках денег он, свободнорожденный римлянин, продал себя в гладиаторы и в течение трех месяцев позорил свой род, выступая на потеху толпы. Возмущенный его поведением, Аврелий Антистий, его отец, выкупил сына, запретив ему впредь появляться в Риме. Но беспутный сын вновь не слушал отца и последние полгода тайком часто бывал в стенах «Вечного города».

Что касается Новия Приска, то этот болезненного вида, хрупкий юноша давно находился под влиянием Лентула. Злые языки даже указывали на некую интимную связь между Лентулом

и Новием. Как бы там ни было, Новый Приск жил в доме Лентула и считался его близким другом.

В атрии сидело несколько безземельных владельцев латифундий, вконец разоренных кредиторами и откупщиками. В заговоре Катилины они видели свой единственный шанс хоть как-то поправить свои дела. Лишь немногие из них, даже погрязшие в долгах, как Катилина и Лентул, преследовали при этом и политические цели, стремясь к власти в армии и государстве.

Катилина встал, сделал несколько шагов по атрию и, глядя в упор на своих сторонников, начал говорить:

– Чего мы хотим? Чего мы добиваемся? Только справедливости. Отмена всех долгов, наделение каждого землей по справедливости, равенство в правах, возможность занимать высшие должности в государстве без покровительства сената, купающегося в наслаждениях и роскоши. Это ведь наши неотъемлемые права римлян. А кто сегодня решает нашу судьбу? – Катилина остановился и громко крикнул. – Выскочка из Арпина, человек, даже не принадлежащий к сенаторскому сословию. Этот болтун и демагог Цицерон. – Катилина снова начал ходить по атрию. – И мы, потомки древних родов, должны подчиняться такому консулу. После Гая Мария и Суллы Счастливого поистине римский народ не мог сделать лучшего выбора. Да разве мы имели право выбора. Все решают сенаторы – кучка старых, выживших из ума оптиматов, которые наживаются на наших страданиях и богатеют все больше.

Слушатели согласно кивали головами. Никто и не думал напомнить Катилине, что тот сам до недавнего времени был ревностным сторонником оптиматов и Суллы и так отличился, что его назвали «палачом популярных». И вот теперь Катилина защищал права тех самых популярных, которых двадцать лет назад он безжалостно истреблял в ходе гражданской войны.

В прошлом году Катилина выставил свою кандидатуру в консулы вместе со своим другом и союзником Гаем Антонием Гибридой и, казалось, надежно рассчитал свой успех. Но его планы расстроил Квинт Курий, рассказавший о попытке заговора против республики своей любовнице Фульвии, которая донесла все Цицерону. Ловкий оратор воспользовался этим обстоятельством. Сенаторы были встревожены, и в консулы прошел сам Цицерон, выходец из незнатного рода. С этого дня Марк Туллий Цицерон стал не просто личным врагом Катилины, он стал олицетворением тех просенатских сил, которые стремились не допустить его, Катилину, к власти.

Катилина являл собой образец политика, у которого в последующие две тысячи лет найдутся сотни подражателей. Не сумев прийти к власти демократическим путем, они прибегнут к силе, считая ее лучшим аргументом. Но, даже завоевав власть, они будут держаться исключительно благодаря той самой силе, давшей им эту власть. Постоянно усиливая репрессии, выступая против непокорных, они в конце концов обрекают себя на вечный антагонизм со своим народом, в разум которого они отказались когда-то поверить.

В этом году Катилина твердо надеялся на успех. Огромные суммы, полученные у Красса и Цезаря, его возрастающая популярность у беднейших слоев римских граждан, его многочисленные выступления перед римлянами и обильные угощения должны были явиться тем решающим аргументом, который он собирался предъявить на выборах. Но независимо от исхода выборов Катилина собирал своих сторонников, вооружая и готовя их к решительным действиям. Высшая власть нужна была ему как прикрытие того неслыханного террора, который он собирался развязать в Риме, устроив вторые проскрипции.

– Я убежден, – продолжал Катилина, – что нас поддержат и Гай Цезарь, и Марк Красс,³² которые весьма сочувственно относятся к нашему движению. Из двух консулов Гай Антоний

---

³² Марк Лициний Красс (115—53 гг. до н. э.) – римский политический деятель, полководец, подавил восстание рабов Спартака, известен своим неслыханным богатством. В начале своей карьеры приверженец Суллы, позднее сблизился с Цезарем, был участником так называемого 1-го Триумвирата Красса, Помпея и Цезаря.

никогда не выступит против нас с консульской армией, а Цицерон всего лишь болтун, а не воин. Армия Антония может присоединиться к нам в любой момент, и в крайнем случае мы возьмем Рим штурмом, даже если придется истребить половину его жителей, – зло закончил патриций.

– Значит, консул Антоний поддержит нас, – спросил, явно обрадованный таким известием, Цепарий, – а Цезарь и Красс? Что передать в Этрурию?

– Да. И Антоний, и Цезарь, и Красс – все будут на нашей стороне, так и передайте нашим сторонникам, – заявил Катилина, – но сейчас главное – выборы. Идите во все трибы и комиции, по всем кварталам Рима, призывайте ваших друзей и родственников отдать свои голоса в мою поддержку. Убедите их, насколько выгодно я отличаюсь от Мурены и Силана. Я думаю, выборы будут назначены на очередном заседании сената – откладывать дальше они уже не смогут. Мы сумеем победить лишь в том случае, если убедим римлян, что действительно готовы отменить постыдные долги наших свободных граждан, наделить их землей, принадлежащей их отцам, дать согражданам почувствовать себя хозяевами в нашем государстве.

В атрий вошел вольноотпущенник Корнелия Лентула и, подойдя к Катилине, что-то тихо сказал ему. Тот вспыхнул от радости, глаза заблестели, на лбу начала прорисовываться набухающая вена.

– Пусть идут, – негромко сказал он и, посмотрев на сидевших вокруг него молодых людей, вдруг улыбнулся: – Сейчас мы увидим, кто из вас собирается действительно сражаться до конца.

Вошедшие рабы начали раздавать сидевшим в атрии короткие ножи. Лентул, очевидно, знавший, в чем дело, принимая нож, лишь усмехнулся, а сидевший рядом Цетег нахмурился. Некоторые патриции, решив, что предстоит необычная форма клятвы, спокойно взяли ножи, другие, наоборот, словно предчувствуя нечто ужасное, бросали по сторонам мрачные взгляды.

Катилина распорядился, чтобы унесли светильники, и атрий погрузился в темноту и безмолвие, лишь изредка нарушаемые чьим-то сдавленным кашлем.

Послышались быстрые шаги, и все замерли, ожидая появления новых действующих лиц. Дверь отворилась почти бесшумно, и на пороге появились две изящные женские фигуры, красоту линий которых только подчеркивали надетые на платья столлы из тончайшей шерсти. Более узкие паллы были перекинута через плечо и скреплены фибулой.³³ Раб, шедший за женщинами, нес один слабый светильник, освещавший лишь середину атрия. Женщины сделали несколько шагов в центр, оглядываясь по сторонам. Лица сидевших были почти скрыты во мраке комнаты.

– Здесь сидят немые. – насмешливо сказала одна из женщин, указывая на сидевших вокруг мужчин. – И для чего нужны такие тайны, Семпрония? Я давно не скрываю своей свободы, и меня трудно удивить.

– Ты удивишься, Фульвия, – раздался в тишине негромкий голос Катилины, – ты удивишься, узнав, куда ты попала. – Женщина вздрогнула, оглядываясь по сторонам, словно не доверяя своему слуху. – Катилина, – пробормотала она в ужасе.

– Ты узнала меня? – так же тихо спросил патриций, вставая и подходя к ней.

Фульвия не произнесла ни слова, не сводя расширенных от ужаса глаз с этой мощной фигуры. Из груди ее вырвался какой-то всхлип, она отшатнулась, словно ища защиты у своей спутницы. Катилина правильно понял этот жест.

– Спасибо тебе, Семпрония, за то, что привела к нам сегодня эту фурию, – произнес он страшным голосом. Набухшая вена стала пульсировать в такт спокойным ударам его сердца.

Несчастливая женщина, уже понявшая, что попала в страшную ловушку, испуганно молчала, даже не пытаясь пошевелинуться.

---

³³ Фибула – специальная заколка для платьев.

– Вот эта женщина, – поднял руку патриций, – помогала Цицерону в прошлом году стать консулом. Это она рассказала ему о наших планах. Правда, Фульвия? – спросил он своим звенящим от напряжения голосом.

Женщина попыталась кивнуть головой, но не смогла, чувствуя, что не может пошевелиться, даже наклонить голову.

– Какого наказания заслуживает эта женщина? – внезапно громко спросил Катилина и закричал: – Отвечайте все!

– Смерти, – громко произнес первым Лентул.

– Смерти, – как эхо повторил Цепарий.

– Смерти, – выкрикнул Цетег.

– Смерти, смерти, смерти, – раздалось по всем углам атрия.

Фульвия даже не пыталась понять, откуда исходят эти голоса. Она не сводила глаз с Катилины.

Встав со скамьи, к ней подошел Лентул.

– А может, отрезать ей язык? – спросил Лентул. – И оставить ей жизнь. Она ведь красивая женщина. Правда, Новий? – патриций посмотрел на сидевшего перед ним женоподобного римлянина.

Тот отвел глаза.

– Я спрашиваю – правда, Новий? – жестко повторил вопрос Лентул.

– Да, – не выдержал его взгляда Новий.

– Тогда бери ее, она твоя. – Лентул сделал два шага вперед и, почти не напрягая рук, разорвал платье на женщине. Затем так же спокойно разорвал хитон,³⁴ сорвав строфиом.³⁵ Фульвия стояла теперь обнаженная, и при слабом свете светильника было хорошо видно, как мелкая дрожь сотрясает все тело женщины.

Под взглядами Катилины и Лентула Новий нерешительно встал, подходя к женщине.

– Раздевайся, – предложил ему, улыбаясь, хозяин виллы, – вспоминай иногда, что ты мужчина.

Некоторые, сидевшие в атрии, засмеялись. Другие молчали. Чуть поколебавшись, Новий начал сбрасывать с себя одежду. Сидевший недалеко от него Вибий внезапно вздрогнул, увидев, с каким болезненным любопытством смотрит на происходящее другая женщина. Он увидел ее профиль, тени, отбрасываемые на ее лицо слабым светом светильника. Женщина была подобна богине смерти, мрачная и величественная.

Лентул поднял руку, касаясь лица Фульвии:

– Ты ведь любишь римских мужчин, Фульвия. У тебя их было так много. Чтобы тебя успокоить, нужны настоящие мужчины.

– Одевайся, Новий, – внезапно резко сказал Катилина, – не нужно доставлять последнее удовольствие этой развратнице. Лентул прав. Мы используем ее лучше в качестве жертвы великим богам.

Присутствующие в зале снова рассмеялись, словно решив, что самое страшное уже позади.

– Я не шучу, – громко крикнул Катилина, и все сразу стихло. – Каждый из вас поклянется на ее крови. Так делали более ста лет назад почитатели великого Диониса, бога Вакха.³⁶ Сегодня мы снова введем эту страшную клятву. И кто нарушит ее, умрет так же, как и эта женщина.

---

³⁴ Хитон – древнегреческая одежда женщин, надеваемая на голое тело. Геродот и Гомер отмечают, что она надевалась с большим красивым золотым поясом и называлась «ионическим хитоном».

³⁵ Строфиом – предшественник женского бюстгалтера. Полоска материи, которую женщины подвязывали под грудь.

³⁶ Дионис, Вакх – в греческой и римской мифологии боги растительности, виноградарства и виноделия. Почитание бога Вакха, или вакханалии, было строго запрещено в Риме.

Фульвия, поняв, что этот страшный человек уже решил ее судьбу, внезапно дико вскрикнула, но безумный взгляд Катилины продолжал держать ее. Наконец он повернул голову к Лентулу.

– Дай твой нож, – сказал он неестественно спокойным голосом.

Взяв нож у хозяина виллы, Катилина посмотрел в глаза женщины и так же спокойно сказал:

– Начинай, Пакувий.

В глубине зала поднялся старый жрец, одетый в длинное, белое, ниспадающее до земли одеяние. Он начал медленно обходить всех сидящих в атриум людей. Когда очередь дошла до Вибия, юноша почувствовал, как жрец провел своей ладонью по его лбу, словно помазав его песком. Потерев пальцем лоб, Вибий лизнул его и едва не сплюнул. Это оказалась обыкновенная сажа. Катилина внимательно следил за неясным силуэтом жреца, едва различимым при свете одного светильника.

Женщина, не видя перед собой страшных глаз римского патриция, попыталась бежать, но, запутавшись в одежде, валявшейся на полу, упала. Катилина поднял нож Лентула, непохожий на другие. Это был длинный остроконечный нож с круглой, украшенной резьбой рукояткой с изображением кровавого бога Вакха.

– Кто нанесет первый удар? – спросил он глухим голосом.

– Я, – раздалось за его спиной. Это был Цепарий.

Катилина посмотрел на него, и страшная судорога прошла по лицу римского патриция. Набухшая вена, казалось, сейчас лопнет. Он кивнул головой:

– Бей.

Цепарий поднял свой нож, почему-то попробовал лезвие и, внезапно наклонившись, ударил женщину чуть ниже живота. Фульвия дико закричала, попытавшись увернуться.

– Теперь все остальные, – громко скомандовал Катилина.

Ошеломленные происходящим, все замерли, боясь пошевелиться. Женщина страшно кричала.

– Я сказал – все! – закричал еще громче Катилина, и римляне, словно сорвавшиеся псы, бросились к середине атриум. Некоторые наносили резаные удары, другие только имитировали их, а женщина продолжала кричать диким голосом.

В этот момент римские герои забыли о высоких мотивах своих поступков, не пытались разобраться и понять, что происходит. Животное чувство страха женщины передалось и им, подталкивало их, подстегивало, и они наносили удар за ударом по дергающемуся в нечеловеческих конвульсиях обнаженному телу. Забыты были римская честь, гордость, мужество. Остались только подонки и себялюбцы, убивающие несчастную женщину из-за стадного чувства трусости и подлости. Словно крик Катилины обнажил все то мерзкое, что есть в человеке и что каждый из нас старается подавлять в себе всю жизнь.

Почему-то мерзости, совершаемые в толпе или группе людей, кажутся менее мерзкими и подлыми, словно оправдывают того или иного конкретного человека. Сливаясь с толпой в единое целое, этот человек восторгается своей общностью с представителями данного рода и вида, не вникая в смысл происходящего. И даже когда представители его вида убивают других представителей этого вида, он счастлив и горд своей принадлежностью к этому стаду, словно в будущем это может оправдать его.

Может быть, вся история человечества – это борьба человека за выход из этой толпы, за осознание своего «я», целостности своего мироощущения, ценности своих поступков, за осмысление своего подлинного положения в этом беспокойном мире.

Ибо только осмыслив, кто он и какой он, человек может победить, выйти из стада, противостоять ему и в конечном итоге стать повелителем своих поступков, полностью сознавая их и отвечая за них.

После того как Лентул полоснул, наконец, несчастную по горлу, несколько мгновений все наблюдали, как дергаются конечности несчастной. Лужа крови растекалась по темному полу атрия. Некоторые римляне тяжело дышали, на других было страшно смотреть, третьи представляли собой жалкое зрелище. Почти все были забрызганы кровью убитой.

Только Вибий не принимал участия в этом постыдном зрелище, не сводя глаз с Семпронии. Женщина, почувствовав, что на нее смотрят, обернулась и вздрогнула, увидев в темноте горящие глаза Вибия. Очевидно, привыкшая к подобным взглядам, она хладнокровно пожала плечами и отвернулась.

Дождевой сток начал быстро заполняться еще дымящейся кровью. Жрец, снова возникший из давящей темноты атрия, подошел к убитой, наклонился, обмакнул руку в эту быстро застывающую жидкость и, повернувшись к жертвеннику, громко сказал:

– Тебе, великий Дионис, мы посвящаем эту жертву. Прими ее и помоги нам в нашем испытании.

Римляне наклонили головы, даже не понимая, насколько кошмарными выглядят их молитвы после подобного злодеяния.

– Вот так, – удовлетворенно сказал Катилина, от внимания которого не укрылась ни одна подробность этого страшного убийства. – Лентул, распорядись, чтобы нам дали новую одежду и принесли помыться.

Патриций кивнул головой, приглашая всех идти за ним. Уже в коридоре он остановил Новия:

– Ты, оказывается, можешь быть мужчиной.

Римлянин покраснел и быстро зашагал вслед за остальными. Последними из триклиния выходили Катилина и Семпрония. Внезапно мимо них в атрий вошел Цепарий.

– Я забыл там свой перстень, – громко сказал он.

Недоверчивый Катилина обернулся, чтобы посмотреть. При слабом свете светильника он все же рассмотрел, как Цепарий наклонился к телу женщины и быстро отсек большой палец левой руки, где красовался золотой перстень.

Катилина брезгливо поморщился. Стоявшая за его спиной Семпрония, увидев, что сделал Цепарий, только пожала плечами. Приходилось иметь дело даже с такими людьми.³⁷

---

³⁷ Плутарх и Саллюстий настаивают на этих деталях, утверждая даже, что заговорщики во главе с Катилиной во время обмена клятвами убили человека и отведали его мяса.

Глава III

*На Капитолий взгляни: подумай,
чем был, чем стал он:
Право, будто над нами новый
Юпитер царит!
Курия стала впервые достойной
такого сената, —
А когда Татий царил,
хижиной утлой была.*

*Публий Овидий
(Перевод М. Гаспарова)*

За тринадцать дней до ноябрьских календ 691 года со дня основания Рима светило выплескивало свою ярость с таким остервенением, словно собиралось спалить «Вечный город».

Если бы кто-нибудь из гостей столицы сумел в этот день попасть в Рим и пройти по мосту Цестия, миновав крепостные центурионы, он неминуемо должен был свернуть направо, выходя к Капитолийскому холму, у подножия которого была построена знаменитая курия Гостилия, где обычно происходили заседания римского сената.

Еще неделю назад, после того, как консулы Марк Туллий Цицерон и Гай Антоний Гибрида торжественно объявили о начале избирательной кампании, начались празднества, не прекращавшиеся до сих пор. Римские граждане, выдвинувшие свои кандидатуры в консулы и преторы, щедро развязали свои кошельки, рассчитывая на новые голоса римских избирателей. Открывались лавки, харчевни, раздававшие бесплатно хлеб, масло, мясо. Более ста тысяч человек получали это дармовое угощение. Театральные празднества были устроены во всех кварталах города, на многих подмостках играли бродячие актеры и мимы, на Форуме и в Амфитеатре шли гладиаторские бои, в цирке травили зверей, привезенных из Африки и Азии; на Марсовом поле шли состязания атлетов.

Разбивались бочки, привезенные из Тускулы. Повсюду текли реки дешевого рейтского вина, привезенного, как клятвенно утверждали торговцы, из самой Галлии, хотя злые языки утверждали, что его готовят здесь, в Риме. По римским дорогам шли повозки, запряженные быками, с новыми запасами продовольствия и вина для горожан.

Население города предавалось разгулу и радости. У всех на устах было имя доблестного Помпея, сумевшего, наконец, разгромить армии Митридата и присоединить к римским владениям Сирию и Иудею, раздвинув границы неведомых пределов Азии. Войско Помпея не просто сокрушило Митридата, почти тридцать лет угрожавшего могуществу Рима в Азии, но и совершило поход против кавказских племен – албанов, иберов, мидийцев, сумело разгромить и подчинить себе царя Великой Армении – Тиграна, признавшего владычество Рима, и утвердиться в песках Сирии. Новые потоки золота и рабов хлынули в город.

В описываемый нами период Рим был переполнен жаждущими «хлеба и зрелищ» разорившимися гражданами, единственным имуществом которых было их римское гражданство.

Рим еще не достиг того небывалого расцвета, который произойдет через пятьдесят-шестьдесят лет, в эпоху Августа, но строительство многочисленных портиков, базилик, терм, храмов уже тогда придавало неповторимый колорит строгой планировке «Вечного города».

Город был расположен на семи холмах. И хотя наиболее величественные сооружения, отличавшиеся красотой отделки и необычностью решений, заимствованных у покоренных народов Востока, появятся несколько позднее, и в этот период город поражал своим величием

и красотой. Планировка города, его характерные прямые улицы со строгим римским стилем, в который только начал проникать эллинский дух, напоминали идеально построенный военный лагерь, где все было подчинено гармонии, симметрии и целесообразности.

Насчитывающий около миллиона жителей, Рим был не просто столицей римского государства, а крупным центром экономической и культурной жизни всего Средиземноморья, а теперь благодаря своим легионам он постепенно становился и признанным политическим центром огромного государства.

Сама курия Гостилия, где проходили заседания сената, была построена за много лет до этого времени, и в ней наглядно проявились черты, присущие первым римским архитекторам. Она была не просто строго спланирована, но в ней преобладали моменты рациональности, особенности строгого римского стиля. Мощные колонны, выполненные из белого этрусского мрамора, тянулись вверх к галерее, на которую в исключительных случаях пускали толпы любопытных, стекавшихся сюда со всего Рима. В остальное время на галерее размещались совершеннолетние сыновья сенаторов, имеющие право присутствовать на всех заседаниях.

Зал был полукруглый. В три ряда тянулись скамейки сенаторов, украшенные шерстяными и шелковыми тканями и мягкими подушками, дабы этим представительным мужам было удобнее возлежать на этих сиденьях. В центре зала стояли два больших, искусно отделанных кресла для консулов. Напротив стояли другие кресла, простые и строгие, предназначенные для народных трибунов.

Сейчас этот зал, бывший свидетелем стольких гневных выступлений и пламенных речей, в стенах которого раздавались голоса братьев Гракхов³⁸ и Сципиона,³⁹ Суллы и Мария, был почти пуст. Сенаторы, разбившись на группы, обсуждали последнюю речь консула. Консул Цицерон назначил экстренное заседание на завтра, объявив, что выступит с речью.

Перед портиком, стоящим у входа в курию, собралась небольшая группа людей, среди которых был и консул этого года, высшее должностное лицо республики – Марк Туллий Цицерон. Ему шел сорок четвертый год, он находился в зените своей славы. Великолепное ораторское мастерство, частые выступления в сенате и римских судах принесли ему известность далеко за пределами города.

Он был одет в тогу с большой пурпурной каймой, как и подобает должностному лицу его ранга. Высокого роста, исполненный сознания величия своей должности, он подчеркивал каждое произнесенное слово своими нарочито рассчитанными актерскими движениями тела и рук. Большие глаза смотрели из-под густых бровей. Огромный лоб свидетельствовал о широте познаний и ума его обладателя. Крупный римский нос заканчивался двумя жесткими складками, а сильный подбородок уже начинал двоиться, приобретая все большую округлость.

Еще совсем молодым человеком Цицерон выступил против Верреса, наместника Сицилии, известного своими разнузданными грабежами и притеснениями жителей провинции. Молодой юрист не просто участвовал в процессе; он продемонстрировал всему Риму свое блестящее владение словом, свои изумительные способности выдающегося юриста. Всего за пятьдесят дней он объехал весь остров Сицилию, находя и опрашивая нужных свидетелей, подготавливая необходимый материал. Верреса защищал один из лучших адвокатов Рима – Квинт Гортензий, но и он не сумел помочь своему подзащитному. Выступления Цицерона с каждым днем процесса лишь усугубляли вину Верреса, и на девятый день оратор нанес главный удар. Он представил суду свидетелей, подтвердивших, что Веррес распял, без суда и следствия, римского гражданина на кресте, как подлого раба. И не просто распял, а поставил крест на берегу

---

³⁸ Братья Гракхи – Тиберий Семпроний (162–133 гг. до н. э.), Гай Семпроний (153–121 гг. до н. э.) – вожди популяров, пытавшиеся наделить землей неимущие слои Италии. Их обе попытки окончились неудачей, а оба брата были убиты по приказу сенатской олигархии.

³⁹ Сципион Публий Корнелий Эмилиан (185–129 гг. до н. э.) – римский политический и военный деятель. В 146 году до н. э. под его руководством римляне овладели Карфагеном. Был ревностным поклонником эллинской культуры.

пролива, дабы осужденный видел Италию, к отеческим правам и законам которой он все время взывал.

Когда Цицерон произнес слова Верреса, сказанные им при этом неслыханном акте произвола, зал взорвался криками проклятий. Наместник Сицилии сказал ставшую для него роковой следующую фразу: «Нужно, чтобы осужденный видел родную землю, чтобы он умер, имея перед глазами столь желанную для него свободу и законность». Лишь вмешательство судей и преторианской стражи спасло Верреса от гнева римской толпы. Не помогли ему ни защита Гортензия, ни ходатайства влиятельных римских сенаторов. По совету Гортензия Веррес добровольно удалялся в изгнание, и с этого дня Марк Туллий Цицерон стал признанным мастером латинского слова в городе.

Цицерон еще не раз принимал участие в судебных процессах, каждый раз подтверждая обоснованность такого выступления. И когда в прошлом году он был избран римлянами на высший пост в государстве, казалось, наступил зенит его славы.

Увы, в этом мире удача соседствует с неудачей, а власть порождает зависть; богатство вызывает алчность соседей, и даже природный талант кажется вызовом огромной массе посредственности. Так было и с Цицероном. Его не любили многие, среди которых были и неудачливые адвокаты, стремившиеся стяжать подобную славу, римские политики, завидовавшие его влиянию, знатные сенаторы, не прощающие ему его низкого происхождения. Но среди всех личных врагов Цицерона самым страшным и непримиримым был Катилина.

Несколько дней назад Цицерон выступил в народном собрании, вновь поразив слушателей своим мастерством. Еще больше поразил римлян смысл его речей. По римским законам, консулярам – бывшим консулам – по истечении срока их полномочий поручалась для управления какая-либо провинция. От Цизальпинской Галлии Цицерон отказался уже давно, а полагающуюся ему провинцию Македонию он неожиданно для всех передал своему коллеге по консулату – Гаю Антонию, заявив, что в этот грозный час не покинет стен Рима. Консул не сказал почему, но все присутствующие хорошо понимали, сколь реальными были шансы на избрание врага Цицерона – Сергия Луция Катилины. В этих условиях консул просто не имел права находиться далеко от места событий. Хотя бы исключительно из-за собственной безопасности.

Консул стоял в группе людей, чьи деяния должны были прославить Рим на многие тысячелетия. Среди них был молодой тридцатидвухлетний Тит Лукреций Кар⁴⁰ и только что приехавший из Вероны двадцатичетырехлетний Гай Валерий Катулл.⁴¹ Оба поэта еще только начинали свой путь к вершинам триумфа. Ушедшие из жизни молодыми людьми, с разницей в один год, они оба оставили о себе память выдающихся поэтов античного мира.

Среди них стоял давний почитатель Цицерона, его друг и наставник Марк Терренций Варрон.⁴² Он был старше Цицерона на десять лет и казался самым старым среди этой шумной молодежи в свои пятьдесят семь лет. Ему еще суждено было дожить до девяноста лет и стать свидетелем многих удивительных потрясений, коими была богата вся история римского государства. Среди сенаторов и всадников, окружавших Цицерона, находился и его близкий друг,

---

⁴⁰ Тит Лукреций Кар (95–55 гг. до н. э.) – римский поэт и философ-материалист. Большой поклонник философии Эпикура о безграничности Вселенной и ее атомистическом строении. Поэма Лукреция «О природе вещей» считается выдающимся трудом литературы и философии Древнего мира.

⁴¹ Гай Валерий Катулл (87–54 гг. до н. э.) – римский поэт-лирик, особенно известный своими стихами, посвященными Клодии, сестре Клодия. Не путать с Квинтом Лутацием Катулом, его однофамильцем. В исторической литературе поэт обычно пишется с двумя «л», а сенатор с одним. Мы решили оставить такой перевод, дабы читателям было легче ориентироваться.

⁴² Марк Терренций Варрон (116–27 гг. до н. э.) – римский писатель, ученый. Уже в преклонном возрасте командовал одним из легионов Помпея. Был прощен Цезарем и по его поручению основал в Риме публичную библиотеку. Написал около восьмидесяти работ.

известный книгоиздатель, ростовщик Тит Аттик Цецилий, более известный под именем Аттик Помпоний.⁴³

Оживленный разговор шел о последнем выступлении консула в народном собрании.

– Клянусь Минервой, славной богиней мудрости и покровительницей всех римлян, ты, Цицерон, первый из римских риторов, – восхищенно говорил Тит Лукреций Кар, – твое высокое мастерство всех поражает.

– А я уже занес твои мысли в свое новое сочинение «О латинском языке», – добавил Марк Терренций Варрон, – твое мастерство в латинской речи придает языку необъяснимую выразительность и легкость.

– Вы меня перехваляете, друзья, – улыбнулся консул, не скрывая своего удовольствия, – клянусь Юпитером Становителем, латинская речь выразительна лишь тогда, когда она служит интересам Рима и его граждан. Идя в суд или собрание, я не собираюсь блеснуть своим ораторским мастерством, выступая перед толпой, не собираюсь ее поражать. Мне нужно прежде всего отстаивать интересы и законные права всех римских граждан. А формы, в которые я облачаю свою защиту или свои речи, могут быть самыми различными.

– Твои – самые удачные, – заметил Катулл, подумав про себя, что консул не совсем искренен в своих речах. Действительно, выдающиеся ораторы очень часто придают большее значение форме, чем содержанию. Желание покрасоваться перед толпой, блеснуть силой своего мастерства и таланта, умение увлечь слушателей становится слишком сильным стимулом для публичных выступлений.

– Кроме того, – добавил Аттик Помпоний, – защищать права римских граждан и достоинство нашего народа – занятие крайне необходимое, особенно в наше время.

– Но мне лично кажется, что в последнее время у нас много судебных процессов, – заметил Тит Лукреций Кар, – по любому поводу наши граждане подают в суд друг на друга. Я даже слышал, что Сульпиций Руф собирается подавать в суд на выдвинутого в консулы Лициния Мурену.

– Римские законы допускают такой процесс до того дня, пока выдвинутый не будет избран и не приступит к исполнению своих обязанностей. Только тогда, в течение всего срока полномочий, их нельзя привлекать к суду, – напомнил Аттик Помпоний.

– А вы разве не догадываетесь, кому выгодно осуждение Мурены? – спросил Варрон.

– Конечно, догадываемся, – жестко сказал Цицерон, – в случае его осуждения и признания виновным в подкупе избирателей останутся только два кандидата – Сергей Катилина и Децим Силан, но я надеюсь, что великие боги не допустят этого. Римляне должны понимать, что несет им этот распутник и скандалист. Сенат и народ римский не должны допускать его избрания. Прежде всего сенат, – воодушевляясь собственной речью, консул поднял руку, – кто, как не мы, должны отстаивать честь и достоинство наших граждан, незыблемость наших учреждений, нашу свободу и порядок, наши Законы XII Таблиц.

Стоявший позади него молодой сенатор внезапно холодно сказал:

– После правления Мария и особенно Суллы от них мало что осталось.

Цицерон стремительно обернулся.

– Действительно, права римлян были несколько ущемлены в связи с Гражданской войной и возникшими смутами, но, хвала богам, мы сумели пресечь беспорядки и восстановить наши права в полном объеме.

Кивнув головой в знак согласия, Аттик Помпоний сказал:

– Но если Мурену осудят, а затем изберут Силана и Катилину, нужно будет идти им на уступки. Катилина встанет во главе голодной и готовой на все римской черни.

---

⁴³ Аттик Помпоний (109—32 гг. до н. э.) – римский всадник, друг Цицерона, ростовщик, книгоиздатель. Вместе с Теренцием создавал первую публичную библиотеку в городе.

– Никогда, – гордо поднял голову молодой сенатор, – никогда. Я гражданин Рима и никогда не склоню голову перед вольноотпущенниками, бывшими рабами, гладиаторами, развратниками, пьяницами.

– Я тоже гражданин Рима, – заметил Терренций Варрон, – и именно поэтому я научился уступать.

– И благодаря этому мы выжили, – тихо добавил Аттик Помпоний. – И при Марии, и при Сулле.

И хотя эти слова были произнесены очень тихо, их услышали все. Наступило неловкое молчание.

Консул примирительно поднял руку.

– Мудрость нужна и сильнейшим.

Молодой сенатор попытался возразить, но, заметив предостерегающий жест Цицерона, смолчал.

– Я давно хотел поговорить с тобой, Катон,⁴⁴ – тихо сказал консул, – давай войдем в курию.

Сенатор кивнул головой, пропуская вперед консула. Окружавшие их люди из уважения к высшему должностному лицу Рима остались стоять внизу, у самой лестницы, молча наблюдая, как Цицерон и Катон медленно поднимаются обратно в сенат. Ликторы с фасциями, обязанные также идти впереди консула, остались внизу.

В помещении было прохладно, несмотря на полуденный зной. Цицерон и Катон пересекли зал, проходя на теневую сторону, где почти никого не было.

– У тебя есть известия из армии Помпея? – спросил Цицерон, удобно устраиваясь на одной из сенатских скамей.

Катон сел рядом.

– Я слышал, что Помпей в Дамаске.

– Знаю, но он собирается вернуться.

– Со своей армией? – живо переспросил Катон.

– Конечно. И многие сенаторы уже сейчас стараются заслужить милость великого полководца. Им кажется, что он должен заменить Суллу, – осторожно заметил Цицерон.

Глаза молодого сенатора вспыхнули.

– Да не допустят этого великие боги, покровители римлян, – нервно произнес Катон, хрустнув костяшками пальцев, сжатых в кулак, – и хотя в последнее время мы стали слишком безнравственными, готовы покоряться любому диктатору, я не очень верю в это.

– Почему? – искренне удивился консул.

– Помпей всегда придерживался наших законов, ему чужды насилие и противозаконные акты.

– Ты считаешь, что он распустит свою армию по возвращении в Рим и как примерный гражданин будет ждать решения сената за чертой помария? – улыбнулся Цицерон.

– Да, – твердо сказал Катон и повторил: – Я верю Помпею. Верю гражданской добродетели нашего полководца и его легатов.

– Это очень хорошо, что настолько доверяешь Помпею, – немного недовольно сказал консул, – но твоя ошибка не в этом. Ты все время забываешь, что живешь не в идеальном государстве Платона, а среди подонков Ромула.

Катон вспыхнул, едва сдерживаясь.

– Тем хуже для всех нас, – резко сказал он.

---

⁴⁴ Марк Порций Катон Младший (95–46 гг. до н. э.) – оратор, политический деятель, философ-стоик. Решительно боролся против любых попыток изменить существующий строй Римской республики, один из вождей оптиматов. Марк Порций Катон Старший (243–149 гг. до н. э.) – политический деятель, оратор, историк, писатель, известный как образец древнеримской нравственности и архаического слога.

Марк Порций Катон был представителем великого рода Порциев. Вся его внешность обнаруживала сильную волю, ум, необычайную силу духа. Глубоко посаженные глаза сверкали пламенным огнем, широкий лоб, несмотря на молодость, прорезали глубокие морщины, у подбородка тянулись упрямые складки. Уже в самом молодом возрасте этот человек проявил стойкую ненависть к тирании, став ревностным поборником прав и свобод римских граждан, римской морали и традиций. Непримирым республиканец, он давно сблизился с оптиматами, видя в сенатской олигархии единственную опору против тирании, искренне считая сенаторов оплотом законного римского права. Цицерон, в свою очередь, видел, что сенатская олигархия признает в этом молодом человеке одного из своих вождей, и старался всячески угодить ему.

Неловкую паузу нарушил сам консул:

– А что ты думаешь о Крассе?

– Этот действительно готов задушить весь город, лишь бы получить при этом больше денег. Но надо отдать ему должное. В тяжелой войне с гладиаторами Спартака он проявил себя с самой блестящей стороны. Но меня не беспокоят устремления Красса или армия Помпея. Только один человек волнует мое воображение, и это – Гай Юлий Цезарь, сумевший в столь короткое время обрести в Риме такую большую популярность.

– Цезарь, – удивился Цицерон, – я думал, ты скажешь Катилина или хотя бы Клодий. Этот Гай Юлий делает столько долгов, что об этом говорит весь город. И умудряется не платить почти никому. В один прекрасный день мне придется его защищать, хотя он сам может сделать это не хуже меня. Во всяком случае, для собственной защиты я не желал бы лучшего адвоката. Ты ведь знаешь, мы с Цезарем учились в школе Аполлония Молона, главы родосской школы красноречия, хотя и в разное время. Недавно мой наставник написал мне, что лучшими своими учениками считает меня и Цезаря. Я не вижу никого в Риме, кто мог бы сравниться с Цезарем в безупречности стиля и превзойти его в логическом мышлении. Но, – продолжал консул, – Цезарь неопасен. Правда, его любят плебеи, а популяры даже считают своим вождем, но у него нет ни легионов Помпея, ни денег Красса. А у кого нет реальной силы, тот не очень опасен.

– Цезарь уже стал верховным понтификом Рима, – напомнил Катон, – а теперь он уже выдвинул свою кандидатуру в преторы. И наверняка будет избран. Ему осталась последняя ступенька к власти – быть избранным консулом. И тогда он получит право набрать легионы. Что произойдет в этом случае? Я не верю этому марианцу. Уж слишком быстро он находит общий язык со всеми. Даже с Помпеем и Крассом. А ведь и они тоже видели в нем поначалу преемника Мария.

– Но Цезарь не призывает к отмене долгов, к незаконным действиям. А Катилина смущает сегодня умы и души наших молодых людей, вызывает своими речами насилие на наших улицах, за ним стоят разорившиеся патриции, погрязшие в долгах плебеи, – горячо возразил Цицерон.

– А кто стоит за спиной Катилины? Кому выгодны бесчинства Клодия и его друзей? Кто пытается всех примирить и успокоить, оставаясь в стороне от политической борьбы, играя роль верховного судьи? – мрачно спросил Катон. – Это все он – Цезарь. Я не могу верить этому человеку, – снова подчеркнул сенатор. – Да, Катилина погряз в долгах, а у Цезаря их еще больше. Но за Катилиной идет всего лишь кучка безумцев, а за Цезарем почти половина всех римлян. С одной стороны, Юлий как будто защищает интересы бедняков, плебеев, сельских жителей, а сам живет на широкую ногу, делает огромные долги. А его разврат? Ты, Цицерон, и твои люди кричите на каждом углу о развратнике Катилине, вступившем в связь со жрицей Весты,⁴⁵ давшей обет целомудрия. С одной жрицей, которая, кстати, была сестрой твоей жены. С одной, – громко повторил Катон, – а Цезарь совращает всю коллегия весталок, которые

---

⁴⁵ Веста – богиня домашнего очага и огня.

танцуют у него дома нагишом. Особенно сейчас, когда он верховный жрец. И такой человек избран нашим верховным понтификом.

После Тиберия Корункания, нашего первого верховного понтифика, известного на весь город своей особой набожностью, избран человек, открыто насмехающийся над богами. А Публий Сцевола, наш консул и верховный жрец, – какие имена в прошлом. И вот теперь верховным понтификом стал Цезарь. Воистину великие боги спят, если не видят подобного кощунства. Катилина встречается с Аврелией Орестиллой, у которой, кстати, нет мужа, и ты снова кричишь о неслыханном разврате. А число совращенных Цезарем знатных женщин просто не поддается исчислению. И ты молчишь. Меня поражает, как Марк Красс и Гней Помпей могут разговаривать с этим человеком, могут вообще переносить его присутствие здесь. Весь город говорит о связях Цезаря с женой Красса – Тертуллой, с женой Авла Габиния – Лоллией, с женой Сервия – Постумией. Помпей из-за него собирается разводиться со своей женой – Муцией. Может быть, хватит перечислять, иначе я займу твое внимание слишком долго. И такой человек – верховный жрец Рима, – почти закричал Катон, – призванный оберегать нашу нравственность! А Марк Лициний Красс, цензор, призванный оберегать наши нравы и отстаивать наши идеалы, предлагает выдвинуть кандидатуру Цезаря в преторы и поддерживает на выборах совратителя своей жены. Стоит только удивляться человеческой породе. Ты не знаешь Цезаря, Цицерон. Прав был Катул, сказавший, что Цезарь покушается на устои государства не путем подкупа, как Катилина, а осадными машинами, расчищая себе дорогу к власти. Примеры Мария и Суллы стали заразительными для многих.

– Да не допустят этого великие боги, – тихо сказал консул, – я все это знаю. Цезарь, действительно, ничуть не лучше, но он хоть внешне сохраняет лояльность нашим демократическим принципам. И с ним можно всегда договориться. А с Катилиной нельзя найти общего языка, он готов на все. Ты ведь помнишь, как он планировал в прошлом году мое убийство, и только благодаря длинному языку Квинта Курия и его любовницы Фульвии, которая очень помогла нам тогда, мне удалось избежать этой опасности. Теперь Катилина снова рвется в консулы. Представляешь, что может произойти в Риме: консул – Катилина и претор – Цезарь, какая прекрасная компания в городе! Катилина не остановится перед насилием, он откроет ворота Рима толпам рабов, гладиаторов, предастся своим низменным порокам, установит личную диктатуру, и республика падет. Пока я жив, я буду бороться против Катилины и его сторонников. И для этого нам очень нужен Цезарь. Если катилинарии получают власть... – Цицерон вздрогнул, словно эта мысль только пришла ему в голову, – нельзя остановить удар волны голыми руками, нельзя остановить бешено мчащуюся колесницу на полном скаку. Только уже будет поздно. Уже сейчас почти поздно. Мы должны обязательно договориться с Цезарем.

– Почему почти поздно? Что-нибудь случилось? – спросил Катон.

– Сегодня ночью на вилле Лентула была убита Фульвия, – мрачным голосом сказал консул.

– У тебя есть доказательства?

– Нет, к сожалению. Аврелия Орестилла, которая привела ее туда, клятвенно утверждает, что Фульвия утонула, но один из гостей Лентула рассказал мне все. Я не могу пока назвать публично его имени, дабы не бросать на него подозрений. Ведь если Катилина узнает про него, несчастного постигнет участь Фульвии. Но заговорщики уже начали действовать. Сегодня ночью на вилле Лентула они наметили план предстоящих действий. Вот почему с самого утра я отменил всякие визиты ко мне, окружил дом стражей и объявил о завтрашнем заседании сената. Я выступлю против этих безумцев еще до выборов, заставив их признаться в своих преступных действиях. Самое страшное, что теперь у Катилины есть армия, – торжественно закончил Цицерон. – Я получил известие из Этрурии. Гай Манлий, давний друг и почитатель Катилины, собирает тайно войска. Это гражданская война, Катон.

Известие поразило сенатора. Он побледнел, не произнося ни слова, ухватился за скамью кончиками пальцев.

– Что ты намерен предпринять? – спросил он очень тихо у консула.

– Прежде всего договориться с Цезарем. Завтра я расскажу обо всем в сенате. Всем четырем городским когортам приказано удвоить обычные посты. Мои люди внимательно следят за Катилиной и его сообщниками.

– А кто поведет консульское войско в случае войны? – спросил Катон. – Ведь Гай Антоний Гибрида, наш второй консул, друг Катилины. Он не выступит против него.

Цицерон довольно улыбнулся.

– Я предусмотрел и это. Когда несколько дней тому назад я выступил в народном собрании, друзья были недовольны моим решением, отметив лишь, что я произнес великолепную речь. Я специально отказался от Македонии в пользу Антония. Серебряные рудники Македонии слишком большая добыча, чтобы ею так просто рисковать. Антоний согласился возглавить войско против Катилины. Конечно, я не доверяю ему до конца, и у него в лагере будут мои люди, которые проследят за всеми действиями консула, докладывая мне о каждом его шаге.

– Нужно послать к нему легатом⁴⁶ Марка Петрея. Я его давно знаю. Это старый сулланский ветеран, человек мужественный и отважный, – предложил Катон.

– Согласен, – наклонил голову консул, – кроме того, во всех четырнадцати округах Рима, по всем двумстам шестидесяти пяти кварталам города я разослал своих людей, агентов, вольноотпущенников, рабов, торговцев. Я уже послал известие Помпею, чтобы часть его сил спешно выступила из Сирии. И теперь мы будем ждать. Один неверный шаг Катилины, и я сразу приму меры.

Цицерон поднял руку, сжатую в кулак.

– Нужно будет так наказать виновных, чтобы это надолго отбило у всех желающих саму мысль о возможности диктата. Времена Мария и Суллы давно прошли.

Катон молчал, он понимал, что Цицерон как опытный политик готовит неопровержимые доказательства, изобличающие Катилину и его людей, для последующего процесса над ними.

– А Цезарь нам нужен в противовес Катилине. Пусть он не поддерживает нас, но пусть и не оказывает содействия катилинариям.

В глазах консула сенатор увидел твердую веру в конечный успех. «Видимо, Цезарь действительно необходим в этот момент, – с отвращением подумал Катон, – кто первый сумеет договориться с ним, а затем нанести удар, тот и победит. И если Цицерон опоздает, то ему уже не суждено увидеть календы следующего года. Завтрашнее заседание сената может многое прояснить. Консул не имеет права ошибаться. Речь идет не только о судьбе государства. Цицерон будет спасать и собственную жизнь. А значит, он будет вдвойне осторожен. И все-таки гражданская война». Вспомнив слова Цицерона, Катон внутренне содрогнулся.

– Великие боги, спасите нас от самих себя, – неслышно прошептал он.

---

⁴⁶ Легат – командир легиона.

Глава IV

*Пусть дела твои будут такими,
Какими ты хотел бы их
вспомнить на склоне жизни.*

Марк Аврелий

Пока в курии Гостилия шла оживленная беседа между Цицероном и Катонем, на противоположной стороне Палатина, на улице Субуры, быстро двигался человек, о котором с такой ненавистью и подозрением говорил Марк Порций Катон. Цезарь, очевидно, очень спешил, даже не останавливаясь побеседовать с встречающимися знакомыми и друзьями. Ограничиваясь коротким дружеским кивком, он шагал дальше.

В «Вечном городе» хорошо знали верховного понтифика, чья неслыханная щедрость и многочисленные любовные связи были постоянной темой сплетен и разговоров. Слухи о поведении выдающегося человека, его интимной жизни всегда волнуют толпу больше, чем даже деяния самой личности. Так уж устроен средний человек. Ничто не волнует так толпу, как низвержение бывших авторитетов, доказывающее всем истину, что человек слаб и ничтожен. Ничтожеству не страшно находиться в толпе себе подобных. А падение бывшего величия, развенчание триумфаторов служат своеобразным бальзамом для душ слабых и ничтожных, радостно сознающих, что и великие мира сего подвержены слабостям, страстям и сомнениям и, как обычные люди, имеют недостатки и порочные наклонности.

Цезарь знал это и поэтому всегда с улыбкой выслушивал все сплетни и пересуды о своем поведении. Он неистово верил в успех сильной личности и преклонение толпы перед таким человеком. Люди прощают все только тому, кто становится их кумиром, предметом их обожания и преклонения. «Тому, кто сумеет обуздать и повести за собой к единой цели эту малоуправляемую толпу, – считал Цезарь, – сливаясь с ней в одно целое и становясь выразителем интересов этой разноликой массы людей».

Верховный понтифик очень торопился в этот день, спеша к условленному месту, где его уже ждали. Внезапно он услышал крики женщины и поспешил завернуть за угол. Несколько молодых людей методично и жестоко избивали молодого мавританского раба, не пожелавшего вовремя уступить им дорогу. Стоявшая рядом торговка, не в силах вынести этого зрелища, громко кричала. Один из молодых людей со сверкающим золотым медальоном на груди, одетый в протексту,⁴⁷ подскочив к ней, толкнул ее прямо в грязь. Торговка, упав на камни, завопила еще громче. Цезарь ускорил шаг, подходя ближе.

– Остановитесь, – громко сказал он. Один из нападавших, уже заносивший ногу для очередного удара, обернулся.

– Цезарь?! – удивленно вскричал он.

Остальные замерли. Верховный понтифик подошел к ним, внимательно рассматривая молодых римлян.

– Ваше счастье, что меня еще не избрали претором, а то я приказал бы немедленно заключить вас под стражу, – не очень строго сказал Цезарь.

– Милосердный Цезарь ошибается, мы не делали ничего плохого, – возразил с улыбкой один из молодых людей, отличавшийся какой-то особенно дерзкой красотой.

– А ты, Клодий, вообще должен молчать, – строго сказал Юлий, – ты же хороший солдат, отличившийся в армии Лукулла. А теперь не знаешь, куда девать свои силы, и избиваешь рабов на улицах города.

---

⁴⁷ Протекста – белая тога с узкой красной каймой, ее носили юноши, не достигшие совершеннолетия.

Молодой человек вспыхнул, но, сдержавшись, смолчал.

– Хорошо еще, что вас не видели народные трибуны, – продолжал Цезарь, – а то бы вас немедленно выслали из города.

Лежавший на земле раб слабо застонал.

– Эти рабы совершенно обнаглели, – сказал Клодий, пожимая плечами, – их давно пора распяты на крестах или отправить на гладиаторские бои. Они стали слишком гордыми и независимыми.

– Займись более существенными делами, – улыбнулся Цезарь, – лучше выстави свою кандидатуру в эдилы или квесторы.

– А может, сразу в народные трибуны, – вздохнул Клодий, – мне всегда хотелось получить именно эту должность, дающую такие большие права. Но я патриций и никогда не буду народным трибуном.

– Можешь быть, – загадочно заметил Цезарь, – вдруг тебя захочет усыновить какой-нибудь плебей, и тогда ты сможешь пройти в народные трибуны, как его сын. И получить эту власть, но использовать ее всегда надо с умом.

Клодий внимательно посмотрел на Цезаря. Их взгляды встретились, и молодой патриций быстро кивнул головой.

– Очень интересное предложение.

– А теперь быстро уходите, пока вас не застала стража префекта Антистия, – предложил Цезарь.

Молодые люди, оживленно переговариваясь, заспешили в другой конец улицы. Цезарь наклонился к лежащему на земле рабу и приподнял его голову.

– Ты сможешь идти? – спросил он у мавританца.

Тот слабо кивнул, попытавшись встать. Цезарь протянул ему свой кошелек с сестерциями.

– Будь в следующий раз осторожен, старайся не попадаться на глаза подобным типам. Это, наверное, твоя корзина лежит опрокинутой. Иди назад на рынок или пошли кого-нибудь, пусть купят все, что поручил твой хозяин. Продукты все равно не годятся уже в пищу. И не говори хозяину, что с тобой произошло.

Глаза раба увлажнились.

– Да хранят тебя великие боги, славный Цезарь.

Ошеломленная торговка и несколько подошедших зевак недоуменно смотрели на верховного жреца, помогающего подняться рабу. Узнав у мавританца, кто его хозяин, Цезарь поспешил продолжить свой путь. Теперь он был уверен, что мавританец расскажет все другим рабам, и слух о новом благодеянии Юлия распространится по городу: уж слишком необычной была милость знатного римлянина к безродному рабу.

Но уже на следующей улице ему вновь пришлось остановиться. По булыжной мостовой несли лектику,⁴⁸ и Цезарь узнал идущего впереди раба, доверенное лицо своей возлюбленной Сервилии. Он радостно улыбнулся в предвкушении близкой встречи. Цезарь давно знал Сервилию, молодую женщину, которую он полюбил много лет назад. Сервилия имела уже двоих взрослых детей – сына и дочь, но была целиком охвачена своим чувством, отдавая Цезарю явное предпочтение перед всеми остальными поклонниками в Риме.

Ее муж, Марк Юний Брут, погиб за четырнадцать лет до описываемых нами событий, когда, сделав последнюю попытку спасти дело марианцев, восстание поднял консул Марк Эмилий Лепид. Выступление было жестоко подавлено, а Брут, примкнувший к нему, казнен по приказу Гнея Помпея.

---

⁴⁸ Лектика – закрытые занавесками носилки, которые обычно несли рабы.

Подойдя к лектике, Цезарь учтиво поклонился, приветствуя молодую женщину. Чуть отогнув полог занавески, Сервилия наклонила голову, не спуская своих темных глаз с Цезаря.

– Завтра вечером? – тихо спросил он.

– Да, – также негромко ответила женщина и, устремив на Цезаря загадочный взгляд, показала в сторону, – за моей лектикой идут двое молодых людей. Марк только вчера вернулся из Далмации со своим другом Кассием.⁴⁹ Ты ведь его, кажется, знаешь? Жрецы предсказывают им великое будущее. Почти такое же, как у тебя. Поговори с ними.

Цезарь наклонил голову в знак согласия.

– Я буду ждать тебя завтра, – пообещала Сервилия и задернула занавеску. Рабы понесли лектику дальше, а Цезарь подошел к двум молодым людям, стоявшим у одного из зданий на Палатине. Он сразу узнал сына Сервилии. Высокий лоб, задумчивые глаза, красивые, правильные черты лица. Молодой человек был поразительно похож на свою мать. Цезарь подошел поближе.

– Приветствую вас в Риме, славные юноши, – сказал он, – наш город после долгих путешествий, наверное, кажется вам не таким уж красивым.

– Нет, клянусь молниями Юпитера, город прекрасен, – с восторгом сказал юноша и чуть покраснел. – Привет тебе, славный Юлий. Моя мать всегда восторженно говорит о тебе.

Стоявший рядом Кассий учтиво поздоровался и вмешался в разговор:

Она считает, что пройдут годы, и ваши имена будут рядом – славного Гая Цезаря и Марка Брута.

Юлий улыбнулся. Ему нравились эти молодые римляне, еще не испорченные лицемерием и притворством аристократического Рима.

– Брут, ты из славного рода, – сказал Цезарь, – будь всегда достоин его. Помни, что Луций Юний Брут, твой предок, был основателем республики, первым из равных. Не посрами этого имени.

Молодой человек устремил задумчивый взгляд на Цезаря.

– Буду помнить, – твердо пообещал он.

Внезапно Юлий почувствовал какое-то непонятное волнение или предчувствие. Он с испугом подумал, что сейчас начнется приступ его страшной болезни, когда какая-то неведомая ему злая сила затмевает рассудок и тело корчится на земле в страшных мучениях, изрыгая проклятия и угрозы с пеной у рта.

Он покачал головой. Кажется, все прошло. Еще раз посмотрел на Брута. Глаза молодого человека как-то странно вспыхнули. «А вдруг он знает о моих связях с его матерью?» – подумал Цезарь, но сразу постарался отогнать эту неприятную мысль. Протягивая руку, он сказал:

– Ты всегда будешь самым желанным гостем в моем доме, Брут, и ты, Кассий, тоже.

Молодые люди радостно закивали. О щедрости верховного жреца в Риме ходили легенды. Уже отходя, Цезарь еще раз посмотрел в глаза юноши.

– Брут, – прошептал он, – поистине этот римлянин будет достоин своего рода.

Навстречу ему несли еще одну лектику. Сидевшая в ней женщина, увидев Цезаря, поманила его, выглядывая из-за занавесок. Юлий узнал Тертуллу, жену Марка Красса. Сразу вспомнив о назначенном свидании, он заторопился. Ему доставляли удовольствие многочисленные победы над женщинами, так тешившие мужское самолюбие.

Скандалные связи Цезаря с женами многих сенаторов и консуляров ни для кого не были секретом. Помпей однажды назвал его Эгистом,⁵⁰ погубившим многие семьи.

Однако Цезарь вовсе не был таким развратником, про которого потом стали слагать песни, а Цицерон во всеуслышание называл «растлителем чужих жен». В век всеобщего паде-

---

⁴⁹ Кассий Гай Лонгин (85–42 гг. до н. э.) – один из вождей заговора против Цезаря, был женат на сестре Брута – Юнии.

⁵⁰ Эгист – герой известного мифа, любовник Клитемнестры, побудивший ее убить своего мужа, Агамемнона.

ния нравов, упадка и разложения строгой римской морали Цезарь действовал согласно принятым стандартам.

Он многого достиг, этот человек, его любили легионеры, его любили патриции, его любили плебеи, его любили рабы, и его любили женщины. Он не был баловнем судьбы, которому все доставалось даром. К каждой своей победе он шел, терпеливо выжидая, умея в нужный момент проявить все свои лучшие качества. Цезарь не был физически красив, некоторые считали даже, что он был уродлив, но это не мешало его постоянным любовным связям. Женщины ценили в нем обаяние его личности, такт, внимание, искренность чувств, независимость его ума. Говоря об искренности, не следует считать, что он действительно любил всех тех женщин, с которыми бывал в недолгой интимной связи. Но он относился к женщинам предельно честно, уважая их достоинство и не унижая их рассказами о своих многочисленных победах, не причиняя им неприятностей из-за столь естественного проявления человеческих слабостей. Многие ли мужчины могут похвастаться, что относились к женщинам лучше? И все ли они искренне любили тех женщин, с которыми вступали в недолгую связь?

Цезарь был выдающийся стратег, умеющий рассчитывать далеко вперед – в жизни, в сражениях, в походах и даже в любви. Великий человек, притягивая к себе женщин, излучал ту особую магнетическую силу, которую они инстинктивно в нем чувствовали. Вся история жизни этого человека говорит о высочайшем потенциале духовных и физических сил, так привлекавшем к нему людей.

До конца своей жизни он останется сравнительно честным человеком, не прибегающим к насилию, чтобы запугать женщину, к обману, чтобы совратить ее, к соблазну, чтобы купить. Обладая в будущем почти неограниченной властью, он не причинит вреда ни одной женщине, ни одной девушке, в отличие от следующих за ним «маленьких цезарей» – Тиберия, Калигулы, Нерона. И это более всего говорит в его пользу.

Пройдя кварталы Палатинского холма и вступив на улицу, ведущую к Виминалу, Цезарь огляделся. Улица была полна пестрой, шумной массой людей, увлеченных своими делами, поглощенных своими мыслями. Во всем этом шумном многоголосии торговец жареными орехами предлагал свой товар, зазывая прохожих. Чуть поодаль от него стоял калека, потерявший руку, очевидно, в одном из бесчисленных сражений Рима. Инвалид уныло смотрел на оживленную улицу, ожидая подаваний.

Нахмурившись, Цезарь постучал в калитку. Дверь почти сразу открылась, и Юлий вошел в дом.

– Все в порядке? – коротко спросил он у привратника. Тот кивнул головой, указывая в глубь здания. Пройдя остий и атрий, Цезарь вошел в таблин, где его уже ждали. Дом принадлежал богатому торговцу Папирию, живущему в Бриндизии, давнему почитателю и другу Цезаря еще с мрачных времен проскрипций Суллы.

В таблине находилось несколько человек, одетых в традиционные римские тоги. Среди них сразу выделялась коренастая фигура консуляра, сенатора и цензора Марка Лициния Красса, победителя Спартака, жену которого Цезарь только что видел. Рядом с ним стоял сенатор Марк Аттий Бальб, зять Цезаря, женатый на его сестре. Чуть в стороне стоял сенатор Луций Аврелий Котта, старый друг Цезаря, бывший консулом за два года до описываемых нами событий. В таблине находился и Квинт Цецилий Метелл Непот, легат Помпея, вернувшийся из Сирии, где он особенно отличился. Метелл был избран совсем недавно в народном собрании народным трибуном Рима на следующий год. Жена Гнея Помпея – Муция была родной сестрой Метелла, что говорило о многом. В Риме его справедливо считали агентом Помпея, посланным вперед, дабы уяснить тревожную политическую обстановку в городе.

Цезарь постарался улыбнуться.

– Вы уже здесь?

– Да, – Красс сделал несколько шагов вперед, – мы собрались, чтобы, наконец, решить, что нам делать. Поддержать Катилину на выборах или, как два года назад, отказаться от его планов. В городе уже почти все знают об армии Манлия, собираемой в Этрурии. Независимо от исхода выборов Катилина может выступить уже через два-три месяца. Мы должны решать.

– Войско Манлия растет с каждым днем, – добавил Марк Аттий Бальб, – я получил донесение от Корнелия Бальба Луция. Ему предложили перейти со своими когортами на сторону Манлия. И он спрашивает нашего мнения.

– А что ты ему ответил? – быстро спросил Цезарь.

– Он ждет нашего решения, я еще не посылал ответа.

– Что думает твой брат Аврелий Антистий? – спросил Цезарь, обращаясь к Аврелию Котте. – Он ведь городской префект, командующий когортами здесь, в Риме.

– Он никогда не пойдет против республики, – уверенно сказал Котта, – и ни за что не поддержит на выборах Катилину. Хотя бы из-за своего сына Вибия, который попал под влияние этих безумцев.

– Я тоже считаю, что нельзя поддерживать этого варвара, – сердито сказал Метелл Непот, – он безумен, как будто в него вселились все эринии Рима. Катилина станет неуправляем, если получит власть.

– Мы ведь только хотим провести аграрные законы, наделить землей наших ветеранов, снизить арендные платы откупщикам, чтобы оживить наше хозяйство, а Катилина рвется в диктаторы. Это может быть похуже сулланских проскрипций, – мрачно сказал Аврелий Котта.

– Я согласен с Аврелием, – быстро произнес Аттий Бальб, – катилинариям нельзя доверять ни в коем случае. – Красс покачал головой, возражая.

– Но и без Катилины мы не сможем ничего сделать. Нам нужны его люди, охотно умирающие за наши идеи.

Цезарь показал на скамьи:

– Давайте сядем и решим все в спокойной обстановке.

Все расселись по скамьям. Вошедший домоуправитель что-то тихо спросил у Цезаря. Тот отрицательно покачал головой. Все присутствующие поняли, что верховный жрец не разрешил подавать вина. Весь город знал, что Цезарь не разрешает подавать вина во время серьезных разговоров. Однажды Марк Порций Катон даже сказал: «Цезарь один из всех борется за государственный переворот трезвым».

После того как домоуправитель вышел, в табличке наступило молчание: все смотрели на Цезаря.

– Я думаю, – осторожно начал верховный жрец, – что нужно немного выждать, посмотреть, чем все это закончится. Я не очень верю, что Катилине и Манлию удастся собрать большое войско. А именно от этого все будет зависеть. И от того, кого поддержит сенат...

– Во всяком случае, не Катилину, – вмешался Метелл Непот, – оптиматы его ненавидят, хотя он и бывший сулланец, а популярны относятся с большим подозрением.

– Я знаю, – согласился Цезарь, – и именно поэтому нам нужно подождать. Выборы начнутся через несколько дней, а завтра наш консул собирается выступить в сенате. Он может потребовать введения чрезвычайного положения. Нельзя недооценивать силу слова Цицерона. Его ораторское мастерство может стоить нескольких легионов. Это очень важный фактор. Кого поддержат на выборах римляне – еще один фактор. И, наконец, многое будет зависеть от армии Помпея. Против его легионов сегодня никто не выстоит.

Красс вспыхнул:

– Это еще неизвестно.

Победителю Спартака было неприятно само упоминание имени Помпея, отобравшего тогда победу у него – Марка Лициния Красса. Красс разбил почти всю армию Спартака, уничтожив и вождей восставших гладиаторов, но подоспевшие легионы Помпея сумели добить

оставшие и чудом уцелевшие группы гладиаторов. Тогда это дало право Помпею повсюду говорить о его решающем вкладе в борьбу с мятежными гладиаторами. До этого армия Помпея проявила особую доблесть в Испании против Сертория. И семь лет назад Красс получил только овацию; в его честь была заколота овца, и он прошагал по Риму, так как римская гордость не позволяла приветствовать победителя восставших рабов как триумфатора, а Помпей получил триумф. В его честь закололи быка, и он проследовал через весь город к Триумфальной арке на колеснице. И хотя их обоих выбрали тогда консулами, именно с тех пор Красс невзлюбил Помпея. Но судьбе было угодно, чтобы они постоянно были вместе. Сначала как верные приверженцы Суллы, затем как победители восстания Спартака, после чего они вдвоем отменяли все законы Суллы, восстанавливая привилегии народных трибунов, упраздненные сулланцами. Наконец, позднее они вместе с Цезарем выступили против сената. Поистине история и политика не признают личных амбиций и симпатий. Но Красс еще не знал, кого поддержит на предстоящих выборах Гней Помпей. Не знал этого и Цезарь. И поэтому он справедливо опасался восточной армии Помпея. По существующим римским законам, полководец после возвращения обязан распустить армию и в качестве рядового гражданина ждать решения сената за чертой померия. Но захочет ли это сделать Помпей? Этот вопрос волновал и сидевших в таблине римлян, и сенаторов, и нынешних консулов, и весь римский народ. Тем более что были уже роковые прецеденты, когда римские полководцы Марий и Сулла вели войска на Рим.

– Нужно трезво взвесить все шансы, – спокойно сказал Цезарь, – популяры не простят нам второй резни после Суллы. И кроме того, ты, Аврелий, и ты, Красс, слишком богаты и известны, чтобы симпатии популяров были на вашей стороне. Ведь ты, Красс, бывший сулланец, и это может оттолкнуть от вас плебеев. Точно так же, как оттолкнет многих от Катилины. Чтобы провести в жизнь наши законы, нужна власть, завоеванная демократическим путем, иначе мы снова вовлечем страну в гражданскую войну. А для вооруженной борьбы нам нужна армия Помпея. У катилинариев сегодня очень мало шансов привести Катилину к власти, и партия сената это, конечно, видит. Я предлагаю выждать и посмотреть, что нам предложат оптиматы. А пока не жалеть денег, привлекая все новых наших сторонников.

«Интересно, сколько талантов он опять попросит у меня?» – подумал расчетливый Марк Красс, но вслух громко сказал:

– Я согласен. Не будем торопиться. В конце концов, мы всегда можем вмешаться, поддерживая на выборах Катилину.

– А если Помпей будет с нами, это обеспечит успех всем нашим начинаниям, – согласился Аврелий Котта.

Внезапно Цезарь что-то вспомнил. Он обратился к Аттию Бальбу:

– Дай мне твой кошелек.

Удивленный сенатор протянул ему кошелек, набитый сестерциями.

– Возьми, но, во имя всеблагого Юпитера, для чего он тебе сейчас?

– Я быстро вернусь, – улыбнулся Цезарь, стремительно выходя из таблина. У портика дома по-прежнему стоял инвалид, бессмысленно взирая на пустую улицу. Цезарь быстро подошел к нему и вложил в его руку кошелек.

– За что? – удивился ветеран.

– Где ты потерял руку? – в свою очередь, спросил Цезарь.

– В Испании, – недоуменно проговорил инвалид.

– Вот за эту руку, – Цезарь улыбнулся и отошел от ветерана, заходя в дом. Тот долго смотрел ему вслед. По грубому лицу старого солдата скатилась слеза. Он ее даже не заметил, так велико было его волнение.

– Будь счастлив, благородный Юлий, – прошептал ветеран, узнавший своего квестора по испанской кампании.

Войдя снова в таблин, Цезарь улыбнулся уже широко и открыто.

– Итак, завтра нам предстоит грандиозный спектакль. Схватка между Цицероном и Катилиной. Займем места в первых рядах и постараемся ничего не упустить. А пока пусть нам, наконец, дадут поесть и выпить. Клянусь воинственным Марсом, я умираю от голода.

Глава V

*Чего не портит пагубный бег времени?
Ведь хуже дедов наши родители,
Мы хуже их, а наши будут
Дети и внуки еще порочнее.*

Квинт Гораций Флакк⁵¹
(Перевод Н. Шатерникова)

С самого раннего утра, едва солнце осветило крепостные стены города, к курии Гостилия начали собираться «отцы города». Некоторые сенаторы в силу своей тучности являлись в лектиках и, сходя при помощи рабов у лестниц курии, кряхтя, взбирались наверх. Другие, наоборот, подходили к сенату, оживленно беседуя со своими друзьями или клиентами. От вниманья многочисленных праздных зевак, слонявшихся без дела у курии, не ускользнул тот факт, что клиенты многих сенаторов шли вооруженные короткими римскими мечами или облаченные в доспехи. Галерея, и без того ограниченная из-за огромного наплыва посетителей, сегодня просто не смогла вместить всех желающих, тем более что консул разрешил являться на сегодняшнее заседание всем без ограничений.⁵²

Только рабам, гладиаторам и иностранцам, не имевшим римского гражданства, вход в курию был запрещен.

Одним из первых в сенат пришел Катон, выглядевший сегодня мрачнее обычного. Он коротко поздоровался с уже подошедшими сенаторами и занял свое привычное место в правой стороне зала, рядом со своим родственником, сенатором Луцием Доминцием Агенобарбом, женатым на его сестре. Вскоре к ним присоединился престарелый Квинт Лутаций Катул, консуляр и известный сенатор, долгие годы возглавляющий партию оптиматов в сенате.

Он вышел из лектики, прихрамывая сильнее обычного, и едва не упал, ступив на землю. Стоявшие рядом рабы поддержали его и довели до дверей сената, решившись подняться с ним по ступенькам в курию. У дверей они остановились и почтительно замерли, ожидая, пока их хозяин войдет в курию. Катулу трудно было идти одному, и поэтому он вошел, опираясь на руку Манья Ацилия, бывшего консуляра, занимавшего высший пост в государстве за четыре года до описываемых нами событий, и своего секретаря, поддерживающего его с другой стороны.

Оба консуляра прошли на правую половину зала и заняли места в первом ряду, рядом с Катонем и Агенобарбом. Увидев Катона, Катул улыбнулся.

– Приветствую тебя, славный Катон. Ты, как всегда, пришел раньше всех.

– Слишком велика опасность, угрожающая республике, – мрачно заметил Катон, – в этот грозный для римлян час я посчитал не вправе отказываться от выполнения своего долга.

– Ты похож на своего знаменитого прадеда. А это был настоящий римлянин, – сказал Катул, устраиваясь поудобнее, – сейчас таких почти не осталось.

Агенобарб протянул Катулу еще одну подушку, и тот с благодарностью принял ее. Катул говорил об известном предке Катона – Марке Порции Катоне Старшем. Непримирымый враг Карфагена, самого грозного тогда соперника римлян, он являлся первым на каждое заседание сената и каждую речь заканчивал традиционно: «И все-таки я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен». Гражданская добродетель удивительно сочеталась в нем с истинным мужеством римлянина. Правнук был достойным потомком своего прославленного предка.

---

⁵¹ Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.) – римский поэт-философ. В молодом возрасте был другом Брута, принимал участие в боях в качестве командира легиона – легата, позднее полностью посвятил себя литературному труду.

⁵² Без ограничений на заседания сената обычно допускались только старшие сыновья сенаторов.

Выдвинувшие свои кандидатуры на следующий год в консулы Децим Юний Силан и Луций Лициний Мурена прибыли в сенат почти одновременно и заняли свои места в центре зала. За их спинами разместились сенаторы Луций Маний Торкват, Марций Филип Луций, Аксиний Квинт, Автроний Пет Публий и другие не менее известные и почитаемые «отцы города».

Вскоре в зале раздались аплодисменты. Многие сенаторы встали в знак уважения к прибывшему в сенат консуляру и триумфатору Луцию Лицинию Лукуллу.⁵³ Знаменитый полководец шел со своим братом Марком, также известным воителем, помогавшим в свое время Крассу и Помпею истреблять гладиаторов Спартака.

– Он неплохой римлянин, но слишком погряз в роскоши и разврате, – неодобрительно отозвался о Лукулле Катул.

– Зато он честный человек и хороший полководец, – вставил Катон, наклоняя голову в знак приветствия прославленного полководца. Лукулл с братом заняли свои места в середине зала.

Через мгновение галерка, уже заполненная народом, взорвалась криками одобрения. Сенаторы повернулись к дверям. В зал почти одновременно входили Гай Юлий Цезарь, Марк Лициний Красс и еще около двадцати сенаторов, среди которых были Марк Аттий Бальб, Луций Аврелий Котта, Гней Кальпурний Пизон и родственник Цезаря – консуляр Луций Юлий Цезарь. Катон, встретившись взглядом с Цезарем, отвернулся, а Катул и Агенобарб, не сговариваясь, сделали вид, что увлечены беседой, стараясь не замечать новопривывших.

Цезарь скромно улыбнулся. Он шел чуть впереди Красса, и хотя галерка приветствовала всех сенаторов, вошедших в зал, впечатление было такое, что приветствовали только его – Цезаря. Этого он и добивался, войдя вместе со всеми в курию. Цезарь с Крассом заняли места в левой половине зала, в первом ряду, куда начали пересаживаться многие сторонники популяров и оптиматы, поддерживающие Красса. Заметив, что несколько сенаторов пересели на другую сторону, поближе к Цезарю и Крассу, Катул, показав на них Катону, громко сказал:

– И эти люди называют себя «отцами отечества».

После того как в зал вошли ликторы, сенаторы встали в знак уважения перед консулами. Почти одновременно в сенат вошли Цицерон и Антоний, причем последний все время улыбался, здороваясь с друзьями и знакомыми. Цицерон, напротив, был сдержан и молчалив, словно готовился к предстоящему сражению. Едва войдя в зал, он посмотрел налево, вверх, где обычно сидели Катилина и его сторонники. Но их еще не было. Видя это, Цицерон не решился начинать заседание сената, хотя председательствующий сената – Публий Иссаварик – уже занял свое место в центре зала.

Чинно и строго в зал вошли десять народных трибунов, садившиеся в кресла, стоявшие перед консулами. Последними вошли Тит Лабие и Сервилий Рулл, кивнувшие Цезарю в знак приветствия. Цицерон уже начал нервничать, нетерпеливо заерзав в кресле консула. Неужели Катилина так и не явится на сегодняшнее заседание? Но через несколько мгновений он успокоился. В сопровождении группы сенаторов Катилина вошел в зал и прошел к своему месту. Претор Корнелий Лентул сел рядом с ним, а по разные стороны от них начали занимать свои места катилинарии – Марк Порций Лека, Гай Корнелий Цетег, Публий Габиний и некоторые другие, большинство из которых были на вилле Лентула два дня назад.

Председательствующий посмотрел на консулов, и Цицерон едва заметно кивнул головой. Уже последними в зал входили Марк Кальпурний Вибул, Гай Пизон, Марк Клавдий Марцелл,

---

⁵³ Луций Лициний Лукулл (117—56 гг. до н. э.) – римский политический деятель и полководец. В последние годы своей жизни отошел от политической деятельности и давал знаменитые «лукулловы пиры».

Квинт Гортензий,⁵⁴ Квинт Метелл Непот, Квинт Метелл Сципион, занимавшие свои места справа и в центре зала.

Поднявшись, принцепс сената⁵⁵ Публий Ваттий Иссаварик произнес традиционное приветствие:

– Да пошлют великие боги удачу сенату и народу римскому.

Все замерли, ожидая следующих слов председательствующего. Он посмотрел по сторонам и отчетливо произнес:

– Наш консул Марк Туллий Цицерон собирается выступить на сегодняшнем заседании.

Услышав это имя, Катилина нахмурился. Он слишком хорошо знал, как к нему относился Цицерон. Сидевший рядом Лентул, тяжело задышав, тихо прошептал:

– Эта вопиющая добродетель сейчас начнет считать наши грехи.

Катилина демонстративно отвернулся к сенатору Леке, будто его не интересовал выходящий к центру зала консул. Галерка и сенат встретили консула настороженным молчанием.

Цицерон, оглядев зал, начал негромко говорить, стараясь, однако, чтобы его голос был отчетливо слышен повсюду:

– Уже многие годы мы справедливо считали, что наша демократия самая действенная и лучшая, а права римских граждан находятся под надежной защитой. Мы привыкли считать сенат оплотом римской законности, народных трибунов – ревностными поборниками прав наших граждан, преторов, цензоров, ставившими достоинство и честь выше всего на свете, а консулов, облеченных почти неограниченной властью, – подлинными «отцами государства». Но сегодня приходится говорить с болью, что наша демократия не действует, свобода многими понимается как свобода вести себя как угодно и делать все, что угодно. На наших улицах творятся бесчинства, наместники грабят и разоряют наши провинции, суровые законы нашей морали ежедневно нарушаются сотни раз, отцы вступают в кровосмесительную связь с дочерьми своими, а наши патриции соблазняют жен своих друзей и близких.

При этих словах Цицерона Катон, повернувшись, в упор посмотрел на Цезаря, но тот спокойно выдержал этот тяжелый взгляд.

– Наша молодежь погрязла в роскоши и разврате, – продолжал консул. – Дело дошло до того, что многие из них отказываются служить в армии, что всегда считалось высшей честью для римлянина. Последние сорок лет мы проигрываем сражения из-за продажности наших полководцев, неспособности наших солдат, отсутствия военной выучки у наших легионеров. Высшей честью для наших предков было служение отечеству, но сегодня мы забыли эти слова. Мы стараемся извлекать пользу лишь для себя, отечество стало для нас пустым звуком, мы кричим о правах римлянина, забывая, что имеем не менее многочисленные обязанности перед римским народом. Дело дошло до того, что наши народные трибуны сами подстрекают к мятежу и возмущениям, сами становятся источниками смут и бедствий. Я не могу в полной мере выразить все то, что хочу сказать, если не укажу на этих людей. Мы всегда гордились тем, что откровенно высказывались по всем вопросам, указывая виновных и наказывая нерадивых. И теперь последую примеру древних. Я хочу спросить народного трибуна Луция Кальпурния Бестиа, где он был прошлой ночью, что делал?

Народный трибун, к которому так эффектно обратился Цицерон, вздрогнул от неожиданности.

– Я... Я... – залепетал он, не находя нужных слов, – я был дома, – наконец решился выдать из себя Бестиа и только тут, придя в себя, вскочил на ноги. – Я не буду отвечать на

---

⁵⁴ Квинт Гортензий Гортал (114—50 гг. до н. э.) – римский политический деятель, оратор. Известен своими выступлениями в римских судах.

⁵⁵ Принцепс сената – председательствующий.

твои вопросы, Цицерон, – закричал народный трибун, – согласно нашим законам, никто не имеет права требовать отчета у народных трибунов, никто!

Цицерон наклонил голову в знак согласия.

– Да, ты действительно хорошо знаешь наши законы и свои права. Но пусть тогда мне ответит претор Лентул Корнелий, где он был прошлой ночью?

Сенаторы посмотрели на Лентула, который не спеша поднялся со своего места и так же спокойно сказал:

– В отличие от Цицерона я не всегда помню, где провожу свою ночь.

На галерке раздался смех. Даже консул Антоний попытался улыбнуться, но осекся под строгим взглядом Цицерона. Многие пожилые сенаторы неодобрительно качали головами.

– Я не помню, – громко и нагло сказал претор.

– А я считал Цицерона умнее, – заметил Красс Цезарю, – так он ничего не добьется.

– Подожди, – посоветовал Цезарь, – он еще не дошел до Катилины.

Выждав, пока смех утихнет и претор сядет на свое место, Цицерон заговорил уже громче обычного:

– А может, Катилина нам расскажет, где были эти люди? Почему ни один из них не ночевал дома в ту ночь и где были сидевшие рядом с Катилиной его друзья и коллеги? Где, наконец, был сам претендент в консулы? А может, он хочет рассказать нам о своем друге Гае Манлии, который начал собирать в Этрурии войска для гражданской войны? Говори, Катилина, не молчи.

– Это ложь! – закричал, вставая, народный трибун Бестиа.

– Нет, это правда, – сурово сказал с места Катон, – сегодня утром отсюда прибыл гонец. У Манлия уже три тысячи сторонников.

Сенаторы заволновались, зашумели. Некоторые люди привстали, стараясь перекричать друг друга. Галерка оглушительно заревела. Председательствующий, подняв руку, довольно долго ждал, пока, наконец, в зале установится относительная тишина.

– Сенатор Катон, я прошу сообщить сенату все известные вам факты, – громко сказал принцепс сената.

– Они известны всему миру, – спокойно начал Катон, – Манлий готов начать войну. А мы здесь занимаемся дискуссиями. Нужно срочно собирать армию и поручать одному из консулов ведение военных действий, для чего необходимо одобрение сената. Сегодня еще не поздно спасти республику, Катилина и его сторонники готовы нанести удар в спину нашей демократии. У них есть друзья и союзники. Эти люди еще страшнее, чем Катилина, ибо они незримо стоят за ним, готовые в любой момент вмешаться и поддержать его.

Катон не рискнул показать на Красса и Цезаря, но, повернувшись к ним лицом, ясно дал понять всему сенату, кого именно он имел в виду. Красс, покраснев, пробормотал какое-то ругательство, а Цезарь только улыбнулся. Закончив речь, Катон прошел к своему месту, а председательствующий снова дал слово Цицерону. Знаменитый оратор сделал несколько шагов к центру зала:

– Подобные обвинения нельзя оставлять без ответа. Катилина должен высказаться и рассказать нам все, объяснить. Обращаюсь к тебе, Катон, готов ли ты повторить свои обвинения в суде?

Катон встал.

– Я готов.

– Ты слышишь, Катилина, тебе предъявлено обвинение в государственной измене? Расскажи, что ты и твои сторонники делали вчера ночью? Какую связь поддерживаете вы с лагерем Манлия, объясни нам его планы в этом дерзком заговоре. А если ты опять промолчишь, я расскажу всем, какую резню готовишь ты и твои безумцы в Риме, какие страшные планы замыслили вы в ту ночь на вилле Лентула и что именно было совершено вами там. Невинная

кровь убитой тобой женщины вопиет к великим богам о мщении. Говори, Катилина, настало время твоего ответа перед сенатом и народом римским! – С этими словами Цицерон, театрально выбросив правую руку вперед, эффектно закончил свою речь.

В зале наступила страшная тишина. Словно кровь убитой женщины внезапно стерла все крики и разговоры. На галерке стихли все посторонние шумы. Сотни глаз смотрели на Катилину. Цезарь вдруг подумал, что Цицерон правильно рассчитал – сегодня он победит в любом случае. Катилина медленно поднялся со своего места и пошел к центру зала. Все напряженно молчали. Только Катул, наклонившись, что-то тихо сказал Катону, и тот утвердительно кивнул головой.

Катилина вышел к центру и, обведя зал своим безумным взором, громко сказал:

– Я считаю, что Цицерон прав. Мы все действительно погрязли в роскоши и разврате. Но в нашем государстве есть еще немалые силы. Сейчас перед нами стоит выбор. Или слабое тело со слабой головой, – и Катилина показал на Цицерона, – или сильное тело, но пока без головы. И эту голову вы можете найти во мне, пока я жив, – вызывающе закончил Катилина.

Сенат взорвался негодующими криками. Цезарь повернулся к Крассу.

– Сравнение действительно удачное. У нашего консула по сравнению с Катилиной тело действительно слабое.

– Зато у обоих нет головы, – добавил, нехорошо улыбаясь, Красс.

Сидевший в другом конце зала Катон, с ненавистью глядя на Катилину, сказал Катуту:

– Он действительно безумец, способный ввергнуть страну в гражданскую войну. Нужно дать консулам неограниченные права для борьбы с мятежниками и как можно быстрее провести выборы.

– Да, – согласился Катул, – иначе нас ждут самые страшные проскрипции, которые римляне когда-нибудь видели.

Катилина, видя, что впечатление, произведенное его словами, смутило даже его сторонников, тут же примирительно заявил:

– Но я готов всегда подчиняться сенату и народу римскому во всех своих действиях и никогда не нарушу наших законов. Цицерон говорил, что я готовлюсь устроить резню в городе, посягнуть на жизнь сенаторов и консулов. Я предлагаю Цицерону дать мне приют в своем доме. Я согласен поселиться в его доме до выборов, дабы все знали, что я не замышляю ничего дурного ни против него, ни против сената и народа римского. А что касается погибшей Фульвии, то она действительно утонула, и претор Лентул может доложить об этом в сенате или в суде.

На этот раз крики были еще более громкими. Галерка восторженно приветствовала его решение, и даже многие сенаторы, несогласные с ним, выражали свое одобрение. Консул поднялся снова.

– Я счастлив тем доверием, которое готов мне оказать Катилина, но, может быть, он все-таки скажет, зачем Манлий собирает войска?

– Я не знаю, – Катилина смотрел прямо в глаза Цицерону, – поезжай туда и спроси у него сам. А если боишься, возьми с собой консульскую армию и докажи, что ты искусный боец не только в судебных ристалищах.

Цицерон побледнел от нанесенного ему оскорбления, а многие сенаторы встретили эти слова громким смехом. Консула не очень любили за высокомерный нрав и амбиции.

Катон, видя, что напряжение, вызванное речью консула, постепенно ослабевает, наклонился к Катуту.

– Выступи и ты, иначе мы сегодня ничего не решим.

Согласно существующим традициям, дважды в течение одного заседания никто выступать не мог, и, дождавшись, пока Цицерон и Катилина сядут, Катул попросил слова. С трудом выйдя к центру зала, он начал громко говорить, почти кричать, своим истерически-крикливым голосом.

– Я смотрю на вас и удивляюсь, я сижу здесь и переживаю, – куда я попал? На представление циркового искусства, где мимы показывают нам свое мастерство, или на заседание сената, опоры государства, чьи легионы раскинули свои знамена по всему миру? Клянусь всеми богами, мы или безумны, или сошли с ума. Манлий стоит в Этрурии, совсем рядом, число его людей все время растет, а вы смеетесь, сидя в сенате, словно ничего не происходит. Поистине великий Юпитер не мог наказать вас сильнее. Что происходит с нами? Что может случиться с нами, если мы опять ничего не решим? Манлий соберет свою армию, подойдет к стенам города, возьмет его штурмом и предаст огню и грабежам весь Рим. Пока опасность, угрожающая нам, слишком мала, но она может вырасти, если мы не потушим этот огонь. Десять лет назад, когда мы получили сообщение из Капуи о восстании гладиаторов, мы даже не хотели обсуждать этот вопрос, а восстание превратилось в изнурительную войну, которую мы вели три года. Целых три года. Так неужели мы ничему не научились?

Катул помолчал, словно собираясь с мыслями. Провел рукой по лицу.

– Видимо, не научились. Мы действительно погрязли в своем праздном времяпрепровождении, в роскоши и разврате. Человек, в чьем доме произошло страшное преступление, сидит среди нас, является нашим претором, римлянином, которому мы доверили наши судебные дела, а мы ничего не можем ему сказать. А ведь шесть лет назад именно Корнелий Лентул был исключен из числа сенаторов за безнравственное поведение. Но мы как будто забыли об этом и в прошлом году согласились избрать его своим претором, позволив ему снова входить сюда и сидеть среди нас.

А сегодня мы уже серьезно обсуждаем вопрос об избрании на высший пост в государстве Сергия Луция Катилины, известного всему Риму своим разнузданным поведением, подлостью и бесчестием. Что с нами случилось, римляне? Неужели через несколько дней мы отправимся на Марсово поле и отдадим свои голоса этому насильнику и убийце, человеку, которого прокляли великие боги? И это в тот самый момент, когда он готовится поднять мятеж и начать гражданскую войну.

– Никто не имеет права агитировать заранее, – закричал с места Луций Бестиа.

– Но никто не вправе оставаться безнаказанным, замышляя Гражданскую войну, – возразил ему с правой стороны Катон.

Все снова закричали, зашумели, зашумели. Одни сенаторы поддержали Бестиа, другие Катона, и в курии снова вспыхнули ожесточенные громкие споры, но неожиданно громко закашлял Катул, едва не упав. К нему быстро подскочил Ацилий, поддержав его. Многие вскочили, попытавшись прийти на помощь Катулу, но тот уже пришел в себя и, поблагодарив Ацилия, снова продолжал:

– Нельзя более медлить, римляне. Нужно что-то решать. Если мы ничего не предпримем сегодня, то завтра уже будет поздно. Костер, зажженный заговорщиками, должен сжечь их дотла.

Катул снова закашлял, поднося правую руку ко рту. Отдышавшись, он закончил:

– Я все сказал, теперь вы должны решать.

Он еще не успел дойти до своего места, как в зале вновь начался шум. Катилина напрягся, сделал резкое движение, словно сбрасывая с себя неведомого противника и узы, сковывающие его, встал и громко крикнул:

– Если кто-нибудь попытается разжечь костер, который будет угрожать нашему благополучию, мы потушим его не водой, а развалинами Рима!

– Проклятый изменник! – закричал Катул, указывая на Катилину кривым немощным пальцем.

На этот раз кричали все – сенаторы, консулы, трибуны, преторы, галерка, даже писцы. Только несколько человек сохраняли спокойствие. Цезарь, посмотрев вокруг, обратился к Крассу, пожимая плечами:

– Катилина слишком невыдержан. Так нельзя, можно многое потерять.

Он вдруг почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. И вздрогнул, увидев, как сверху на него смотрит, улыбаясь, Лукулл. Среди громких криков и разговоров он все время следил за Цезарем и Катоном, Катоном и Цезарем – словно единоборство этих двоих решало исход сегодняшнего заседания.

Шум в зале все усиливался, хотя председательствующий все время тщетно пытался воззвать к порядку. Наконец Катилина резко встал и демонстративно направился к выходу. За ним потянулись несколько сенаторов, его наиболее близких сторонников. Лентул, сидевший рядом, остался, решив посмотреть, чем все это закончится.

После их ухода принцепсу сената удалось установить относительную тишину. Выступивший затем Агенобарб предложил вручить консулам неограниченные полномочия по управлению государством и дать согласие на созыв избирательных комиций. Против первого пункта резко выступил Марк Аттий Бальб, заявив, что оптиматы искусственно преувеличивают опасность. Однако его выступление уже ничего не могло решить.

Проект был поставлен на голосование. За постановление проголосовало триста девяносто шесть сенаторов, против – сто семьдесят пять, среди которых были Цезарь, Красс, Бальб, почти вся левая половина зала. Оптиматы встретили итоги голосования долгими радостными криками. Отныне борьба с Катилиной вступала в новый этап.

Публий Ваттий Иссаварик объявил традиционную формулу, вводимую при объявлении чрезвычайного положения: «Пусть консулы наблюдают, чтобы республика не потерпела какого-либо ущерба!»

Глава VI

*И оттого только страх
всех смертельный объемлет, что много
видят явлений они на земле
и на небе нередко.*

*Тит Лукреций Кар
(Перевод Ф. Петровского)*

Над городом быстро опускались сумерки. Дневная духота сменилась грохотом громовых раскатов и внезапно ощутимо налетевшим ветром Бореем.⁵⁶ Упали первые капли дождя, постепенно превращаясь в нарастающий ливень. Молнии освещали семь холмов Рима,⁵⁷ являющих собой центр всего цивилизованного мира, на которых сходились все противоречия современной эпохи, где рождались и возносились титаны и падали, разбиваясь, с высоты собственного величия поверженные герои.

Уставшие за день люди разбежались по домам, торговцы быстро собирали свой товар, спеша укрыться в близлежащих строениях, под навесами портиков и базилик. Редкие прохожие торопились к своим жилищам. На город надвигалась тьма, разрываемая молниями, словно неведомый режиссер решил поставить грандиозные декорации перед очередным актом разыгрываемой здесь трагедии. Волны Тибра, вздувшись, побежали еще стремительнее. На Марсовом поле все усиливающиеся шквалы ветра стали сносить установленные здесь несколько дней назад палатки. Лаяли собаки, ржали лошади, гоготали гуси, словно пытаясь во второй раз спасти своим гоготанием «Вечный город».

От Колизея, мимо храма Венеры и эквимелия,⁵⁸ по направлению к Квириналу двигались две фигуры. Посторонний наблюдатель мог без труда узнать в этих мощных широкоплечих римлянах Катилину и Лентула. Завернувшись в трабеи, они быстро шли, не обращая внимания на усиливающиеся ветер и дождь.

Лентул громко говорил, словно стараясь заглушить шум грохотавшей стихии.

– Откуда Цицерон мог узнать об убийстве Фульвии? Я думаю об этом с самого утра. На моей вилле было двадцать два человека. Кто из них мог выдать нас?

– Каждый! – громко крикнул Катилина, и его лицо исказила мрачная судорога. – Каждый, кто рассчитывал получить хоть пару сестерциев за предательство.

– Но я приказал бросить тело в море. Мои рабы уже увезли ее. Цицерон не сможет ничего доказать.

– А если он начнет искать Фульвию? – прокричал Катилина, обращаясь к своему спутнику.

Тот пожал плечами:

– Не знаю. Это не мое дело! – закричал в ответ претор.

– Нужно проверить всех рабов, проживающих на вилле, – предложил Катилина, и Лентул только кивнул головой в знак согласия.

Они сделали еще несколько шагов, когда навстречу им пробежало несколько рабов, несущих лектику, очевидно, с богатой римской матроной, застигнутой неожиданно начавшимся сильным дождем.

Катилина улыбнулся.

---

⁵⁶ Ветер Борей – северный ветер.

⁵⁷ Семь холмов Рима – Капитолий, Палатин, Виминал, Квиринал, Целий, Эсквилин, Авентин.

⁵⁸ Эквимелий – рынок на Капитолии, на котором продавали животных для пожертвований.

– Эти люди боятся даже дождя, – громко сказал он Лентулу, – они недостойны управлять миром. А Цицерону мы просто отрежем язык вместе с головой.

– Что? – переспросил нерасслышавший Лентул.

– Вместе с головой! – закричал во всю мощь своей глотки Катилина.

Внезапно улица ярко осветилась. Сверкнула молния, прочертившая небо пополам, и страшной силы заряд ударил в стоящую в ста шагах от Катилины, на кровле храма, статую Юпитера. И осветилась статуя Натты,⁵⁹ одна из самых древних статуй, украшавших фронтоны храма Юпитера на Капитолии. Сама статуя Юпитера внезапно покачнулась и полетела вниз. Римляне замерли ошеломленно, заметив, что удар молнии пришелся прямо в статую великого божества. Послышались дикие крики, какая-то женщина громко стонала, слева раздавался истерический плач девушек, а справа нарастало карканье ворон, потревоженных ударом молнии.

– Дурное предзнаменование, – прошептал Лентул.

– Для Цицерона и его компании, – сказал Катилина, сумевший непонятным образом услышать слова своего друга.

К поверженной статуе уже бежали женщины и мужчины. Бежавший впереди всех жрец-авгур, указывая на нее, громко кричал:

– Знамение богов! Это знамение богов! Горе нам, римляне. – Он подбежал к статуе и замер, увидев, что линия разлома проходит через всю статую. Жрец пошатнулся, упал на колени, поднимая руки к небу.

– Знамение богов! – снова закричал он. – Великий Юпитер⁶⁰ посылает нам тяжелое испытание. Мы прогневали великих богов, и они обрушат свой гнев на наш город. Фурии⁶¹ поднимутся над городом, и слышен будет плач их и стоны. Со скал Скирона⁶² будут бросать сынов Квирина. И Орбона, богиня смерти, будет терзать наших детей.

– Берегите детей своих от гнева богов, – громко кричал жрец, – ибо не будет пощады никому. Гнев великих богов подобен урагану, опускающемуся с гор. Трижды Гекаты⁶³ лай прозвучит над городом. Горе нам, римляне!

Небо осветилось еще раз, и снова грохот громовых раскатов потряс город. Собравшиеся вокруг статуи люди повалились на землю. Даже Лентул был заметно смущен. А Катилина, наоборот, развеселился.

– Уйдем отсюда, – предложил он Лентулу, – иначе завтра Цицерон скажет, что боги метили в нас, а попали в Юпитера. – С этими словами грозный патриций страшно расхохотался. Удивленные люди начали поворачиваться к нему, и даже жрец замер, пораженный его смехом больше, чем ударом молнии.

– Он безумен, – тихо сказал жрец, – безумен.

Люди закричали в один голос. Женщины заголосили, и Лентул потянул Катилину за собой.

– Давай уйдем, а то мы опоздаем к Эвхаристу.

И даже когда оба патриция скрылись во мраке улицы, люди еще долго смотрели им вслед, словно вспоминая демонический смех римского патриция, так потрясший их души.

А во многих домах уже горели светильники, пылали жаровни с углем и уставшие за день люди блаженно вытягивались у огня, благословляя великого Лара, бога домашнего очага. Попадая под надежный кров толстых стен, они быстро забывали о разгулявшейся снаружи непогоде, словно каменные стены домов могли защитить их от всех тревог и забот нынешней ночи.

---

⁵⁹ Статуя Натты – одна из древнейших статуй, действительно украшавших фронтоны храма Юпитера на Капитолии. Была попорчена ударом молнии. Подробнее об этом написал Цицерон в своей первой книге «О дивинации».

⁶⁰ Юпитер – бог неба, грома и молний, главный бог римского пантеона.

⁶¹ Фурии, или емениды (греч.), – богини мщения за пролитую кровь.

⁶² Римляне верили, что в загробном мире грешников бросали со скал Скирона, где их поедала огромная черепаха.

⁶³ Геката – богиня Луны, появлявшаяся при затмениях рассудка.

В одном из старых домов на Виминале уже давно горел свет в конклаве богатой римской матроны. Всюду были развешаны искусно вышитые белые и пурпурные шелковые ткани. На потолке и в углах конклава просматривались вылепленные фигуры Юноны в свадебных нарядах. В углу виднелась статуя богини плодородия Феронии, которую многие римские женщины ставили в свои конклавы, прося у великой богини земли божественного плодородия. Над большим ложем, покрытым толстым слоем шерстяных тканей, висела картина, изображавшая жреца храма Юпитера во время совершения им обряда жертвоприношения. Рядом стояло несколько скамей, украшенных искусной резьбой и покрытых тканями из шелка. На некоторых из них лежали пуховые подушки с вышитыми изображениями восточных языческих богов – Осириса и Исида, культ которых уже начал проникать в римское общество. Стоявший в углу конклава светильник, сделанный в виде продолговатой чаши, отбрасывал причудливую тень на все происходящее, создавая красочную игру теней на шерстяных и шелковых тканях, покрывающих все вокруг.

В конклаве было необычно тепло. Дома в городе отапливались переносными жаровнями, куда насыпали горячих углей. Однако уже в это время для отопления начали использовать горячий воздух, для чего рядом с конклавом и другими помещениями, которые хотели отеплить, складывали в земле печку, и тепло шло в подземелье этой комнаты, нагревая все помещение. Сейчас в нем находились двое, и язычок пламени светильника плясал по их обнаженным телам.

Тяжело дыша, Цезарь откинулся на ложе. Лежавшая рядом женщина мягко улыбнулась. Четко очерченный профиль, прямой римский нос, большие глаза и чувственный рот принадлежали, несомненно, римской матроне, в которой любой римлянин узнал бы Сервилию, вдову Марка Брута.

Молодая женщина, оставшаяся одна в хаосе гражданской войны с двумя маленькими детьми, сумела выстоять и даже дать достойное образование своему сыну Марку и дочери Юнии. Более десяти лет назад она встретила Цезаря и с тех пор навсегда отдала ему свое сердце.

Слыша теперь рядом дыхание Цезаря, Сервилия удовлетворенно подумала, что их дружба не стареет, хотя ей уже почти сорок и она старше Цезаря на три года. Она знала – многие женщины в Риме мечтают понравиться Цезарю. И хотя в последнее время он заходит к ней редко, каждый его приход был большим праздником для нее. Она осторожно поцеловала его в плечо, и он вздрогнул. Женщина почти неслышно засмеялась.

– Ты умеешь уйти от всего того, что тебя окружает, и остаться наедине с великими богами. Даже здесь ты не бываешь рядом со мной.

Теперь рассмеялся Цезарь. Прижав к себе Сервилию и вдыхая аромат ее распущенных волос, он тихо сказал:

– Я думаю, это единственный мой недостаток.

– Клянусь всеми богами, ты прав, – ласково прошептала женщина, снова целуя его, – у тебя их вообще нет.

– Значит, я подобен великим богам, и мне нечего бояться.

– Да, – Сервилия провела рукой по груди Цезаря, – ты непостижим, как Юпитер. Когда ты приходишь ко мне, я начинаю верить Гомеру. Такого мужчину, как ты, Пенелопа могла бы ждать всю свою жизнь. Ни одна женщина не скажет тебе большего, Цезарь, но мне нечего бояться, ты умен и все понимаешь без слов. Даже моя дочь Юния говорит, что, когда ты смотришь на людей, они не выдерживают твоего взгляда. Ты действительно самый великий из всех смертных.

Цезарь покачал головой, улыбаясь.

– Все влюбленные женщины говорят одинаково. Прости, Сервилия, но твой «великий» любовник уже пережил на четыре года действительно великого Александра⁶⁴ и пока ничего достойного не совершил. Разве что удостоился любви такой женщины, как ты. И я ее очень ценю, поверь мне. Ни с одним человеком в мире я не бываю более откровенным, чем с тобой.

– Я знаю, – прошептала женщина, теснее прижимаясь к нему, – я тоже ценю это. Мой сын всегда говорит о тебе с таким восторгом. Я очень хочу, чтобы он был похож на тебя, – добавила Сервилия.

Цезарь вдруг вспомнил Брута. Его устремленный на него взгляд и его слова – «не посрамлю». В этот момент молния осветила дом Сервилии, и Цезарь вдруг почувствовал, как тело куда-то проваливается, исчезает. Голова закружилась, пламя светильника вдруг ударило прямо в глаза, и свет, вспыхнув ярким огнем, стал меркнуть. По телу начали пробегать конвульсии. Правая рука неестественно выгнулась, оставшись лежать под телом, и он вдруг громко застонал, откидываясь на ложе, широко раскрыв глаза.

– Что с тобой? – испуганно спросила Сервилия. – Опять началось...

Она знала о страшном недуге Цезаря. Десять лет назад он впервые потерял сознание в ее конклаве, и она очень перепугалась, решив, что он умирает. Несколько дней спустя жрецы-авгуры объявили ей, что подобная болезнь – печать богов и ею отмечены очень немногие, избранные. Страшной болезнью, которую греки называли эпилепсией, болели Александр Македонский, Пирр,⁶⁵ Ганнибал,⁶⁶ Кир.⁶⁷ Жрецы объяснили ей, что отмеченный этой болезнью способен общаться с богами, и женщина неистово верила им, ибо легко убедить любящую женщину в исключительности ее избранника.

А сам Цезарь в это время был уже далеко. Он снова, как семнадцать лет назад, лез на крепостные стены Митилен.⁶⁸ Меч в руке, и он карабкается по лестнице. Повержен один противник, второй. Он врывается на крепостные стены, закалывает еще одного врага. За ним идут римляне, его друзья. Он что-то кричит им, легионеры радостно отвечают.

Внезапно все исчезает, и меч выпадает из его рук. Против него идут враги, и у каждого из них лицо Марка Юния Брута.

– Ты, дитя мое? – спрашивает удивленный Цезарь. Неужели Брут и его друзья решили выступить против Рима, в защиту Митилен? Брут взмахивает мечом, и Цезарь с ужасом чувствует, как холодная сталь пронзает его тело. Он кричит и видит, как другие Бруты по очереди достают его своими клинками.

– Все было не так, – кричит Цезарь, – мы взяли тогда Митилены, а Бруту было в это время всего пять лет. Это неправда, такого не могло быть.

Но его никто не слышит. Снова и снова многочисленные Бруты пронзают его тело, и он, все еще живой и невредимый, видит лица и слышит дыхание этих людей. И тогда он обращается к небесам и кричит вверх, проклиная богов, отнимающих у него победу, уже не понимая, где сон, а где реальность. Но внезапно все исчезает, и тяжелая удушливая тьма наваливается на него, словно пронзенное тело, наконец, отказалось служить и рухнуло вниз с высоких крепостных стен.

---

⁶⁴ Александр (356–323 гг. до н. э.) – македонский царь, известный полководец, завоевавший огромные территории в Азии и Африке.

⁶⁵ Пирр (319–273 гг. до н. э.) – царь Эпира, известный полководец, нанес римлянам несколько поражений, но позднее был разбит.

⁶⁶ Ганнибал (247–183 гг. до н. э.) – карфагенский полководец. Государственный деятель. В ходе 2-й Пунической войны нанес римлянам несколько чувствительных поражений, но из-за отсутствия резервов был вынужден оставить Италию. Позднее был разбит. В мировой истории считается одним из выдающихся полководцев.

⁶⁷ Кир (580–530 гг. до н. э.) – царь из династии Ахеменидов в Персии, создал довольно сильное государство, получив прозвище Великого.

⁶⁸ Митилены – в двадцатилетнем возрасте Цезарь участвовал в войне с Митридатом и при взятии крепости Митилены первым ворвался в город, за что был награжден дубовым венком.

Цезарь уже бил ногами по ложу, извиваясь и корчась в страшных судорогах, не сознавая, что происходит с его дергающимся в страшных конвульсиях телом.

Сервилия, испуганно поднявшись, закричала:

– Рубрия, Рубрия! – Это была вольноотпущенница Сервилии и поверенная в ее сердечных делах.

А Юлий уже не владел собой. Из рта показалась пена, стиснутые зубы, казалось, начинали дробиться, на лбу выступил пот, и он начал задыхаться.

В конклав вбежала Рубрия. Молния еще раз ударила рядом, осветив все происходящее. Не обращая внимания на обнаженную хозяйку, вольноотпущенница бросилась к Цезарю. Достав плоский нож, она начала раздвигать зубы римлянина, пытаясь поставить тупое лезвие между ними. Этому приему ее научил Зимри, знавший, что хозяин часто проводит ночи у Сервилии.

– Держи ноги! – закричала Рубрия, садясь Цезарю на грудь. – Ноги...

Сервилия бросилась удерживать неистово вырывающееся тело Юлия.

После нескольких попыток Рубрии удалось, наконец, открыть рот Цезаря и вставить туда лезвие. Пена пошла еще обильнее, пачкая одежду женщины, но Рубрия не обращала внимания на это, крепко держа нож. Постепенно конвульсии прекратились, и через несколько мгновений Цезарь утих. Казалось, он спал. Женщины недоверчиво прислушивались к его ровному дыханию. Внезапно он открыл глаза. Это было так неожиданно, что Рубрия вскрикнула.

Цезарь молча поднял руку и вытащил лезвие изо рта. Пошевелил языком. Затем знаками предложил женщинам отпустить его. Рубрия осторожно слезла с ложа, а Сервилия, только сейчас вспомнив, что она обнажена, внезапно покраснела, прикрываясь шерстяным покрывалом. Она подала знак рукой, и ее вольноотпущенница быстро вышла, кинув удивленный взгляд на Цезаря. Он тяжело перевел дыхание.

– Вот этого я и боюсь, – глухо сказал он, – вот такого обморока. Однажды я упаду так перед толпой, и она растерзает меня.

Сервилия испуганно молчала, и он внезапно насмешливо сказал:

– И ты еще говоришь, что я подобен богам, тогда как я не подобен даже здоровому римлянину.

– Но великий Александр... – попыталась возразить она.

– Я знаю, – слабо отмахнулся Цезарь, – но он был царь, а я римский гражданин, равный из равных, и римляне не простят мне никакой слабости. Они будут смаковать ее, радостно сознавая, что самый ничтожнейший раб более здоров и счастлив, чем я.

Юлий был прав, и Сервилия, хорошо знавшая нравы римского общества, понимала это. Попытки человеческих устремлений в желаниях брэнного тела всегда бывают ничтожны и жалки в своих проявлениях. Только высокие души способны подняться над телесным бытием человеческого тела, устремляя свои мысли в будущее. Но и сами гении так же смертны и брэнны, как и все остальные. И чем больше гений, тем нетерпимее относятся люди к любым проявлениям его человеческих слабостей. Завидуя и не прощая ему его гениальность и отличие от других, ничтожные люди, составляющие в массе своей толпу, еще более не прощают гению обычных проявлений человеческих слабостей. И горе тому, кто, возвысившись над толпой, обнаружит перед ней простые человеческие слабости, столь свойственные каждому индивидууму этой толпы. Его сомнут и раздавят, безжалостно и жестоко, как поступают хищные звери, убивая чужака, случайно попавшего к ним в стаю. Не потому ли имена выдающихся людей часто окружены липкой паутиной клеветы, сплетен, пересудов, словно ничтожества радуются, что гениальный человек подвержен их слабостям и сомнениям?

– Я все-таки очень слаб, – тихо признался Цезарь.

– Это знамение богов, они отмечают своих избранников, – горячо возразила Сервилия, зная, что стоит такое признание для него.

Юлий, посмотрев на нее, улыбнулся.

– Ты веришь в знамение богов?

– А ты, верховный жрец, в них не веришь? – спросила удивленная женщина, усаживаясь на ложе рядом с Цезарем.

– Верю, – засмеялся Цезарь, – конечно, верю, ведь жрецы предсказывали мне, что имена Цезаря и Брута будут рядом, а они уже стоят рядом благодаря твоей любви. Моя дочь уверяет меня, что римляне всерьез полагают, что Марк – мой сын.

Женщина густо покраснела, наклоняясь к нему, и страстным голосом произнесла:

– Марк мог бы гордиться таким отцом. Можешь считать его своим сыном, Юлий, ибо мать Брута любит тебя больше, чем твоя супруга.

И долго еще в конклаве горел светильник, и Цезарь говорил с женщиной, понимающей его, любящей его и верящей в него. Воистину любой мужчина может мечтать о таком, столь недоступном для многих, огромном человеческом счастье.

А на другом конце города, недалеко от Большого рынка, на Целии, в маленькой грязной таверне, принадлежавшей вольноотпущеннику Корнелия Суллы – греку Эвхаристу, веселились уже подошедшие сюда Катилина и Лентул, а также большое число их сторонников и друзей.

Таверна была расположена на стыке двух улиц и находилась на земле, принадлежащей Марку Лицинию Крассу. Известный своей алчностью и богатством патриций еще двадцать лет назад, в период мрачных проскрипций Суллы, скупил огромное количество домов и земли в городе за бесценок. Теперь Красс фактически владел почти половиной всех домов «Вечного города». Эвхарист, пользующийся расположением самого Красса, иногда оказывал своему патрону кое-какие мелкие услуги, и за это хозяин не требовал с него слишком большой платы за пользование землей и домом. Сам Эвхарист, отпущенный на волю более двадцати лет назад, весьма преуспел, пользуясь покровительством бога Плутоса.⁶⁹

Само строение, возведенное более ста лет назад, давно требовало ремонта. Но Красс, экономя и на этом, считал, что Эвхарист сам должен затратить средства на ремонт своего помещения. Покосившаяся входная дверь вела в большое помещение, где стояло несколько столов и длинных скамей. Стены были расписаны в честь всевозможных греческих и римских богов, а в правом дальнем углу какой-то сирийский художник изобразил даже луканских быков.⁷⁰ Сам очаг и жаровня находились во втором помещении, в которое вела узкая дверь, находившаяся слева от входа в таверну. Хозяин и трое его подручных проводили здесь почти все свое время, стараясь угодить многочисленным гостям, среди которых было немало пришельцев с деревянными мечами.⁷¹

В комнате стояли большие амфоры⁷² с различными винами – рейтским, фалернским, велитернским и даже одна амфора цекубского, предназначенного для самых почетных гостей Эвхариста.

Еще одно помещение находилось справа от большой комнаты, и туда вела совсем незаметная маленькая дверь, о существовании которой не подозревали даже многие завсегда таверны. В этой комнате жил сам хозяин. Из нее можно было выйти на улицу с противоположной стороны, и поэтому ею часто пользовались те, кто хотел избежать ненужной встречи с преторианской стражей.

Сегодня вечером за столами расположилось десятка три весело кутящих римлян. Напрасно было бы искать среди собравшихся добродетельных мужей и доблестных защитников Рима. Здесь в большинстве своем сидели те, кто несколькими днями раньше трусливо и

---

⁶⁹ Бог Плутос – римский бог хитрости и плутовства в торговле, в отличие от Меркурия – бога торговли, скотоводства и прибыли.

⁷⁰ Луканские быки – слоны.

⁷¹ Пришельцы с деревянными мечами – гладиаторы, которым не разрешалось носить оружие в городе.

⁷² Амфора – 26,2656 литра.

подло резал женщину при тусклом свете ночного светильника. Те, кто любил проводить жизнь в душных помещениях таверн и кабаков, не пытались защитить с мечом в руках те блага, которые они имели. Те, кто давно предал забвению основные нормы морали и этики, нормы поведения в обществе. Среди собравшихся было и несколько женщин, таких же распущенных и развратных, как и все остальные.

Вино, которое пилось неразбавленным, быстро превращало людей в опустившихся скотов.

Катилина пил, почти не пьянея, и его мрачный взгляд вспыхивал, когда он слышал очередную реплику одного из своих друзей. Лентул, пришедший с ним, уже успел рассказать о сегодняшнем происшествии, и собравшиеся громко смеялись, слушая рассказ претора о сожжении постамента богов и свержении статуи Юпитера.

– Этот жрец мучился, как Геракл, прикоснувшийся к крови Несса,⁷³ – громко хохотал Лентул, уже успевший оправиться от испуга и теперь стремящийся взять реванш за свое недавнее смятение.

– Ему, наверное, не хватало его Деяниры, – вторил ему, гогоча, Цетег.

– Представляю, сколько священных повязок⁷⁴ заготовит он для того, чтобы умиловить богов, – закричал с другой стороны Габиний, и все собравшиеся снова громко расхохотались.

– Скорее он пропахнет чесноком, как торговец пряностями, – добавил, давась от смеха, Цетег, и все снова засмеялись.

– Эвхарист, прикажи подать еще вина. И чтоб оно было не хуже прежнего, – грозно прокричал Лентул.

– Конечно, конечно, – проворно склонился грек, – мое вино пил даже Сулла Счастливым, когда однажды посетил мою таверну. Сам Марк Красс, да хранят его боги, пьет мое фалернское.

– Он отдает его своим рабам, подлый обманщик, – негодуя, закричал Цетег, – неси быстрее, а то я посажу тебя на вертел вместо гуся, которого ты так неудачно поджарил.

Грек, продолжая улыбаться, поклонился и быстро исчез за дверью. Через мгновение показались слуги Эвхариста, вносящие новые кувшины с вином. Наполняя их в другой комнате, проворный грек подмешивал в вино немного воды, и, конечно, им менее всего двигало чувство заботы о своих клиентах.

Вибий, сидевший на самом краю скамьи за одним из столов, не сводил глаз с Семпронии. Вот уже несколько дней он неотступно следовал за ней, дежуря у дверей ее дома. Она замечала это навязчивое любопытство, но не подавала виду, словно пытается еще больше разжечь чувства юноши. К своим тридцати годам она уже дважды выходила замуж и дважды разводилась, причем в обоих случаях инициатором разводов была она сама. Имея уже взрослых детей, Семпрония в свои годы выглядела настолько хорошо, что за ней увивались многие римляне, стремящиеся снискать ее расположение. Среди ее поклонников, как утверждала молва, были даже Марк Красс и Децим Силан. Высокого роста, скуластая, с горящими темными глазами и чуть изогнутым носом, она скорее походила на уроженку Сирии или Египта, чем на истинную римлянку. Большой чувственный рот придавал чертам ее лица необъяснимую прелесть и делал ее еще более притягательной для мужчин.

Сидевший рядом с Вибием Габиний, заметив горячие взгляды молодого человека, толкнул его ногой и спросил:

– Что, хороша Семпрония?

– Она прекрасна, как Венера, клянусь Аполлоном, – прошептал Вибий.

---

⁷³ Геракл в крови Несса. Согласно легенде, умирающий коварный кентавр Несс рассказал жене Геракла Деянире, что его кровь поможет ей сохранить любовь мужа. Глупая жена послушалась совета, и Геракл умер в страшных муках, так как кровь кентавра была отравлена.

⁷⁴ Священные повязки обычно надевали на жертвенных животных.

Габиний визгливо расхохотался.

– Скорее как Прозерпина, богиня преисподней. Она же первая развратница Рима. Здесь за столом нет мужчины, не переспавшего с ней.

– Перестань, – побледнел Вибий, – перестань, или, клянусь Марсом, я разорву тебя на части, – при этом он сжал свои огромные кулаки, и испуганный Габиний почел за благо умолкнуть.

Семпрония, сидевшая на другом конце стола, недалеко от Катилины, не слышала слов Габиния. В самой женщине уже давно жила единственная страсть, владевшая ею безраздельно. Она, отвергая десятки римских мужей и отдающаяся другим десяткам, полюбила странной, дикой, неистовой любовью, как могут любить только очень распутные женщины, полностью отдающиеся своим чувствам. Когда сильно любит девушка, непорочная в своей чистоте, она зачастую сама открывается своему избраннику, становясь дерзкой до безрассудства. Но когда страсть овладевает распутнейшей из женщин, та вдруг становится робкой, как девушка, не решаясь применить весь арсенал испытанных средств, сделать первой признание тому единственному, который может составить смысл ее существования, ради которого она пойдет на любые унижения. В мучительной любви падших женщин есть что-то величественное и омерзительное одновременно.

Внезапно налетевшая страсть захватила Семпронию, и она уже не могла встречаться со своими многочисленными поклонниками, ибо безумный образ Катилины встал перед ее глазами и заслонил весь остальной мир.

А для Вибия весь мир сошелся сейчас в этой дерзкой и бесстыдной женщине, сидевшей недалеко от него в мрачной таверне и громко смеявшейся над очередной колкостью Лентула. Катилина не обращал на нее никакого внимания, занятый своими мыслями, почти не реагирующий на происходящее вокруг.

И каждый раз, когда страшный взгляд Семпронии останавливался на Катилине, на другом конце стола вспыхивал не менее страшный взгляд Вибия. Течение человеческой жизни во все времена напоминало комедию страстей, в которой все роли распределены заранее.

Неожиданно Цетег, сидевший с другой стороны Вибия, вскочил на скамью и высоко поднял чашу.

– Выпьем за Катилину, – прокричал он, – за его победу на выборах! За нашу победу! И пусть Юпитер, Марс и Сатурн покровительствуют нам. – С этими словами он сильно ударил себя в грудь левой рукой и, обращаясь вверх, к закопченному потолку таверны, добавил: – Слышишь, Юпитер, благой и великий, или каково бы ни было твое имя, угодное тебе, я пью за нашу победу!

Присутствующие дружно встали, поддержав тост Цетега. Лишь несколько человек остались сидеть на своих местах, и среди них были Катилина, Семпрония и Вибий.

– Мы посадим голову Цицерона на значки нашего легиона! – крикнул Луций Статилий, сидевший рядом с Катилиной.

Цетег, увидев, что Катилина не очень реагирует на его обращение к богам, добавил:

– Не только Цицерона, но и всех наших врагов. А потом провозгласим двух консулов – Катилину и Аврелию Орестиллу.

Собравшиеся засмеялись, но достаточно осторожно, опасаясь разозлить своего вождя. Однако Катилина только улыбнулся, подобная шутка лишь развеселила его. А Аврелия, сидевшая рядом с ним, улыбнулась, довольная сказанным, словно Цетег еще раз подчеркнул ее влияние на Катилину.

Но для Семпронии, увидевшей эту улыбку, подобная фраза прозвучала неслыханной дерзостью.

– Такой пьяница, как ты, Цетег, не должен обращаться к богам, – громко крикнула она. – Представляю, почему ты хочешь избрать консулом Аврелию. Ведь ты сам не способен даже стоять в храмах во время обряда жертвоприношений.

Ее слова вызвали грохот смеха.

Цетег побледнел и, все еще стоя на скамье, нагнулся к Семпронии, прогибаясь через стол.

– Ты бы хоть помолчала. Клянусь Вестой, ты порочна, как самая негодная блудница парфянских отрядов. Это тебя нужно было избрать нашим консулом. Ведь ты можешь принять нас всех за одну ночь и потребовать еще добавки. – Смех еще более усилился в таверне, и только Вибий сидел с горящими глазами, до боли сжимая кулаки. Даже Катилина рассмеялся над колкостью Цетега. Но Семпрония, как все распутные женщины, быстро приходила в бешенство. Она вскочила из-за стола и крикнула:

– Да, могу, но не таких мужчин, как ты, Цетег. Разве не ты два месяца назад бежал с ложа вольноотпущенницы Суллы – Иолы, не сумев даже к ней прикоснуться, хотя провел с нею всю ночь. Да, таких мужчин, как ты, я могу принять целый легион безо всякого вреда. Любая весталка охотно вступит с тобой в связь, зная, что останется девственницей.

На этот раз смеялись все, даже Эвхарист, пришедший в зал. Катилина громко хохотал, одобрительно кивая, а Лентул сбросил кувшин с вином, который почти неслышно разбился.

Цетег пошатнулся от нанесенного оскорбления и замахнулся кулаком на Семпронию, но тут Вибий резко дернул его за край туники, и он, покачнувшись, упал на стол, ломая выставленную на нем различную утварь. Вино из опрокинутых кувшинов и чаш растеклось по всему столу, и красные пятна стали проступать на складках одежды сидевших вокруг людей, словно пятна крови на их грязных душах. Женщины с визгом вскочили. Несколько мужчин резко встали, и скамья опрокинулась. Среди прочего шума были слышны причитания Эвхариста.

С трудом приподнявшись, Цетег пошатнулся и, изрыгая проклятия, достал свой меч. Вибий тотчас обнажил свой, но внезапно почувствовал, как его руку сжала чья-то еще более сильная рука. Он повернулся и увидел Катилину. Тот покачал головой.

– Уберите мечи, сейчас не время и не место выяснять отношения.

Увидев, что увещевания Лентула, пытающегося образумить Цетега, не очень действуют на последнего, он громко крикнул:

– Перестаньте все! Или во имя великих богов я достану свой меч, чтобы увидеть цвет вашей крови.

Недовольно ворча, Цетег вложил меч обратно. Вибий последовал его примеру. Семпрония, довольная одержанной победой, громко смеялась.

– Давайте выпьем, – предложил Лентул, прижимая к себе Леонию, свою вольноотпущенницу, – мы все равно выиграем эти выборы. Раз я прошел в прошлом году в преторы, ты, Катилина, пройдешь в консулы в этом. А потом мы быстро наведем порядок, – засмеялся пьяный претор.

В таверне Эвхариста снова загремели крики и смех присутствующих. Никто не заметил, как хозяин несколько раз обменялся быстрыми взглядами с сидевшим за дальним столом Луцием Веттием, словно между ними существовала какая-то тайная связь.

Веттий, поднявшись, пьяно качнулся и, выругавшись, направился к выходу. Эвхарист незаметно вышел за ним. На улице дождь уже прекратился, и римлянин жадно вдыхал свежий воздух. Молчание нарушил Эвхарист.

– Что передать консулу?

– Катилина не предпримет ничего до выборов. Но во время выборов Лентул предлагает напасть на консулов, хотя сам Катилина не дает на это согласия, – заговорил, взглядываясь, Веттий неожиданно трезвым голосом.

– Будь осторожен, Лентул ищет предателя. Квинту Курию повезло, что претор не застал его сегодня здесь, иначе этот старый пьяница не унес бы ног отсюда за прошлогоднее предательство.

– Я знаю. Курий ходит по всем тавернам и кабакам, оплакивая свою подругу Фульвию. Ее зарезали твои гости, Эвхарист, и я даже помогал им в этом. Так что придется быть осторожным, если я не хочу встретиться с Орком,⁷⁵ – усмехнулся гость.

Хозяин таверны кивнул головой, и Веттий, оглянувшись еще раз, шагнул обратно, возвращаясь в общий зал. Грек вздохнул, подумав, что нужно посылать сразу два донесения – Цицерону и Цезарю. Оба платили достаточно хорошо, и было просто непростительной глупостью отказаться от этих денег.

Неожиданно из-за туч выглянула луна, и узкий луч ударил в маленький дворик Эвхариста, словно пытаясь найти выход. Лунный свет осветил мрачные тупики «Вечного города».

---

⁷⁵ Орк – повелитель царства мертвых.

Глава VII

*Как в дружбе, так и в государственной деятельности должны
быть исключены притворство и лесть.
Марк Туллий Цицерон*

Объявленный сенатом созыв избирательных комиций знаменовал собой последнюю, решающую фазу выборов консулов на следующий год. Трое кандидатов в консулы и все многочисленные кандидаты в преторы в последний раз давали угощения, устраивали театральные зрелища, бои гладиаторов, раздавали и без того скудные запасы хлеба в городе. Каждый из них не жалел усилий, дабы повидаться в последний раз с римлянами и заручиться поддержкой как можно большего числа граждан.

В аристократических кварталах Квиринала и Палатина слышались громкие голоса в поддержку кандидатуры Децима Силана. Полководца Лициния Мурену поддерживали кварталы Авентина и Виминала, где жили богатые работорговцы, всадники, менялы, ростовщики, заинтересованные в дальнейших успехах римской экспансии. А из мрачных трущоб Эсквилина и Целия, из гладиаторских школ и полуразрушенных таверн на окраинах города раздавались не менее громкие признания в поддержку кандидатуры Сергия Катилины, человека, обещавшего отмену долгов и наделение всех безземельных земель. Ситуация в городе, и без того напряженная, стала почти неуправляемой. На улицах и площадях, в банях и термах, в домах и храмах вспыхивали потасовки между сторонниками различных кандидатов. Даже городские когорты префекта Аврелия Антистия не всегда могли справиться с этим накалом страстей, выхлестнувшись на улицы города.

В эти тяжелые дни Цицерон проявил удивительную твердость и настойчивость, столь мало свойственные его характеру. Пользуясь введением чрезвычайного положения, он не только удвоил обычные посты крепостной стражи, но и оцепил большую часть общественных зданий надежной охраной, составленной из ветеранов азиатских походов Суллы и Лукулла, уже наделенных землей и поэтому полностью верных сенату.

По его распоряжению у гладиаторских школ были выставлены целые манипулы городской стражи, и городским ланистам было приказано ежедневно проверять наличие гладиаторов в школах, хранить оружие под надежным контролем, сообщать о всяких фактах подозрительного оживления рабов и гладиаторов. Всем крупным работорговцам было приказано удалиться со своим беспокойным товаром из города до окончания выборов.

Цезарь, принимавший активное участие в предвыборных баталиях, видел, как настроено большинство сенаторов. Он понимал, сколь мало шансов у Катилины, которого ненавидят «отцы города». Сам Цезарь не мог пока из-за своего возраста выдвинуть свою кандидатуру на высшую должность Рима, но он проводил предвыборную кампанию с твердой верой в конечный успех.

Сегодня утром Юлий вышел из дома пораньше, так как в полдень намечалось жертвоприношение в храме Юпитера Капитолийского. Согласно римским законам, после того, как преконины⁷⁶ оглашали решение сената, верховный понтифик должен был принести жертву богам, обратившись к ним с просьбой о даровании удачи наиболее достойным.

Цезарь встал сегодня еще до того, как светило поднялось над горизонтом. После быстрого завтрака он позволил рабам искусно задрапировать его небрежно подпоясанную тогу. На ноги

---

⁷⁶ Преконины – официальные глашатаи сената.

он надел калцеи⁷⁷ из красной кожи с серебряными украшениями. Поверх тоги он набросил широкую трабею.

Уже перед выходом он помазал специальной мазью Телеума шею и затылок. Сама мазь готовилась его вольноотпущенником Эпаминоном и состояла из оливкового масла и цедры особого сорта апельсинов.

Выйдя из дома, Цезарь не пошел налево, к Капитолию, а свернул направо, выходя по Священной улице к Виминалу. Расположенная на Палатинском холме, Священная улица была уже заполнена людьми, спешащими к Большому рынку на Авентин или к торговой пристани на Тибре, где были расположены Съестной и Овощной рынки. Некоторые сворачивали к кварталу Велабра, чтобы выйти к Скотному рынку и купить животных, необходимых для жертвоприношения богам.

В период выборов продукты и скот дорожали, и многие старались сделать большие запасы впрок, тем самым непроизвольно еще более увеличивая их цену.

Идти пришлось мимо большого скопления людей, и Цезарь не раз останавливался, здороваясь с приветствующими его римлянами. Несмотря на беспокойные времена, верховный понтифик ходил по улицам города безо всякой охраны и сопровождающих. Такой любовью и уважением пользовался Цезарь среди городского плебса, что ничто не могло угрожать потомку Юлиев в стенах этого города.

Его имя снова было у всех на устах. Два дня назад он устроил угощение у храма Эскулапа на несколько тысяч человек, а сегодня он объявил, что принесет в жертву богам черного быка, после чего даст угощение у храма Юпитера Статора еще для нескольких тысяч желающих в честь божественного предка рода Юлиев – Иула. И хотя деньги на эти угощения Цезарю давал Красс, весь город говорил о набожности Юлия, словно эта неслыханная щедрость заменяла столь необходимое для верховного жреца благочестие.

На Виминале сегодня давал угощение Децим Силан, на Эсквиниле – Лициний Мурена, а на Целии – Сергей Катилина. Проходя по кварталам Палантина, верховный жрец слышал голоса, раздававшиеся повсюду.

– Слава благородному Дециму Силану, – кричали одетые в тоги патриции, покрытые трабеями и гиматиями,⁷⁸ – долой гладиаторов и рабов Катилины.

– В Тибр всех ростовщиков и откупщиков, – кричали другие, одетые в поношенные паллиумы и пенулы, покрытые рваными хламидами,⁷⁹ – долой всех аристократов и оптиматов.

Третьи активно поддерживали Мурену, четвертые просто кричали по всякому поводу и без повода.

Цезарь слушал эти крики, лишь пожимая плечами и недоверчиво улыбаясь. Он хорошо знал, как переменчиво настроение римской толпы, как колеблется ее привязанности и симпатии. Сытая благодаря щедрости одного из кандидатов толпа охотно выкрикивает его имя, но уже завтра, когда голод покажет свой хищный оскал, она готова переметнуться на сторону того, кто быстрее накормит и заплатит. За прошедшие тысячи лет эти качества людей почти не претерпели существенных изменений. И хотя теперь кандидаты прельщают избирателей не похлебкой с хлебом и гладиаторскими боями, а громкоголосыми обещаниями – сущность остается прежней, ничего не меняя.

Уже пройдя Субуру, Цезарь натолкнулся на громко спорящую группу людей, осматривающих поверженное молнией здание. Среди них он сразу узнал Красса. Подойдя ближе, Цезарь

---

⁷⁷ Калцеи – высокие башмаки, сапоги, завязывающиеся на икрах кожаными ремешками. Знатные римляне носили калцеи из красной кожи с серебряными украшениями, остальные – из черной и без украшений.

⁷⁸ Гиматий – верхний роскошный плащ с большим количеством складок.

⁷⁹ Пенулы, паллиумы и хламиды – вид коротких плащей и хитонов, обычно надеваемых низшими классами.

приветствовал римлян. Красс, обернувшись, обрадовался и, обращаясь к Юлию, спросил, указывая на здание:

– Как ты думаешь, Цезарь, стоит платить за этот дом двадцать пять тысяч сестерциев? По-моему, это слишком дорого. Этот грабитель Эпидий настаивает на такой цене. А еще жрец, входит в твою коллегию. Посоветуй ему быть благоразумнее, – добавил Красс тихим голосом.

Цезарь понимающе кивнул.

– Послушай, Эпидий, – обратился он к хозяину полуразрушенного строения. – Тебе никто не даст больше десяти тысяч сестерциев за этот дом. А Красс проявляет неслыханную щедрость и готов купить его за пятнадцать тысяч. Думаю, что цена более чем достаточная.

– Клянусь копьем Марса, я купил этот дом за шестьдесят тысяч, – закричал Эпидий, – десять лет назад я вложил в него еще столько же, когда перестраивал здание.

– Но ты же видишь, что в него ударила молния и он скоро совсем развалится, – разозлился нетерпеливый Красс, – и, наверное, ты перестраивал его не десять лет назад, а пятнадцать.

– Подумай, Эпидий, – примирительно сказал Цезарь, – тебе придется нанимать строителей, нести расходы, и потом этот дом у тебя никто не купит. А сейчас есть хороший покупатель. Я думаю, тебе стоит его продать.

Эпидий молчал, не пытаясь спорить сразу с двумя оппонентами. Красс благодарно кивнул Цезарю и снова начал уговаривать Эпидия уступить дом по более низкой цене.

Марк Лициний Красс владел половиной всех домов города и был самым богатым человеком в Риме. Первоначально Красс получил в наследство от отца только триста талантов, но во время проскрипций Суллы он страшно разбогател, покупая у несчастных вдов и сирот их дома фактически за бесценок, а затем продавая с огромной выгодой для себя. Уже став консулом в 684 году римской эры, он посвятил Геркулесу десятую часть своего имущества и устроил небывалое угощение для римского народа, подарив каждому римлянину продовольствия на три месяца вперед. Имея в своем распоряжении более пятисот строительных рабочих, он много лет скупал за бесценок полуразрушенные здания, ремонтировал их и продавал, превращал в инсулы, набивая их жильцами, с которых, соответственно, брал непомерную плату, при этом невероятно наживаясь. Имя Красса стало нарицательным в римском народе, обозначая невероятное богатство и неразборчивость в средствах. В качестве цензора Красс сдавал с торгов на пять лет сбор доходов с государственных имуществ, налоги с провинций, сбор таможенных пошлин. И очень часто в числе подрядчиков оказывались его клиенты и вольноотпущенники, еще более увеличивающие его богатства.

В описываемый нами период ему шел пятьдесят второй год, и он уже успел пройти все магистратуры Рима, занимая посты квестора, эдила, претора, консула и, наконец, цензора, имеющего право пересмотра списка членов сената. Среднего роста, довольно тучный, с прямыми, резкими чертами лица и тяжелым подбородком, он смотрел на людей исподлобья подозрительным, настороженным взглядом своих серо-желтых глаз, словно подозревая, что каждый из них хочет обмануть его. В Риме говорили, что половина сенаторов – должники этого человека. И Цезарь хорошо знал, что это не только слухи. Сам он часто прибегал к кредитам Красса, который поддерживал популяров Цезаря в борьбе против оптиматов, смотрящих свысока на выскочку Красса, не принадлежащего по рождению к сенаторскому сословию. Это, однако, не мешало многим оптиматам занимать у него деньги.

Неожиданно на другом конце улицы возникла свалка – очевидно, сторонники враждующих партий снова начали выяснять отношения. Многие зеваки, следившие за спором Красса с Эпидием, бросились туда, дабы насладиться новым и бесплатным зрелищем. Красс недовольно пожал плечами, даже не повернувшись в другую сторону. Деньги были важнее какой-то стычки. Стоявшие рядом с ним вольноотпущенники и рабы, взявшись за мечи, сразу образовали полукруг, надежно прикрывая своего патрона со всех сторон. Эпидий, беспокойно оглядываясь, согласился на цену Красса, стараясь скорее завершить этот торг.

Цезарь, попросившись с Крассом и Эпидием, пошел в ту сторону, откуда раздавались громкие крики. Верховный понтифик имел право наказывать любого человека в Риме за неподобающее поведение или неуважение к богам. А нарушение общественного порядка в городе означало неуважение к богам. Нечленораздельная речь во время драки оскорбляла бога Фабула, ругательства оскорбляли бога Логика, удары по телу римлянина вызывали гнев богини мускулатуры Карны, драки на пороге чужого дома вызывали недовольство бога порогов Форгула. Такое количество богов почти обязательно делало любого римлянина богоотступником, превращая веру в глупый фарс. Чем больше идолов ставит перед собой человек, тем менее он верит в их силу, шараясь от одного идола к другому.

Подойдя к толпе, стоявшей у портика дома, принадлежащего Гнею Корнелию Лентулу Клодиану, бывшему консулом в 682 году римской эры, за девять лет до описываемых нами событий, Цезарь обнаружил, что драка уже закончилась и подоспевшие легионеры из городских когорт префекта Аврелия Антистия взяли под стражу нескольких драчунов. На земле, истекая кровью, лежал молодой римлянин. Один из легионеров, грубо расталкивая толпу напиравших зевак, побежал к храму Марса Мстителя за лекарями. Заметив Цезаря, все почтительно расступились. У раненого изо рта шла кровь, и он, изрыгая проклятия, катался от боли по земле. Цезарь подошел поближе, приветствуя самого префекта, оказавшегося здесь во время обхода города.

Аврелию Антистию шел сорок пятый год. За двадцать пять лет безупречной службы он был шесть раз ранен и четырежды награжден дубовым венком. Начав службу молодым легионером Суллы, он вместе с ним участвовал в походах против Митридата и взятии Афин, за что был произведен в старшие центурионы. Затем под руководством Лукулла, уже в должности войскового трибуна, совершал походы в Азию, особо отличившись в сражении у Кабиры,⁸⁰ где он был тяжело ранен в голову. Страшный шрам, лишивший его левого уха, тянулся от макушки до шеи. Когда, по закону Габиния, Помпей получил неограниченные права для борьбы с пиратами, Антистий был уже легатом, и Помпей поручил ему ликвидацию главных киликийских баз. Опытный легат полностью выполнил поставленную задачу, истребив несколько основных баз пиратов.

В прошлом году по предложению консула Луция Юлия Цезаря, родственника верховного понтифика, он был назначен префектом городской стражи и в это беспокойное время как нельзя лучше справлялся со своими нелегкими обязанностями.

– Приветствую тебя, Цезарь, – холодно сказал префект.

– Привет и тебе, Антистий. Я вижу: эта молодежь опять доставляет тебе неприятности, – с улыбкой начал говорить Цезарь, – они, наверное, что-то не поделили. Кто из них виноват больше?

– Все виноваты, – твердо сказал Антистий. – Замолчи ты, или, клянусь Юпитером, я разможу тебе голову, – сурово прикрикнул он на продолжавшего кричать римлянина.

Тот испуганно замолк. Префект презрительно скривил рот:

– Он даже не может переносить боль молча. И это гражданин Рима.

Показались запыхавшиеся лекари, быстро пробирающиеся сквозь толпу. Они сразу бросились к раненому. Цезарь подошел к остальным, стоявшим под охраной легионеров.

– Я вижу знакомые лица, – сказал он, покачав головой, – конечно, здесь Клодий. Без тебя ведь не обходится ни одна драка в городе.

Клодий улыбнулся.

– Я не столь искусно владею оружием, как ты, Цезарь, и могу показывать свое мастерство только в уличных сражениях.

---

⁸⁰ Кабира – в сражении у Кабиры в 72 году до н. э. армия Лукулла разгромила войско Митридата VI Евпатора.

– Это говорит не в твою пользу, – спокойно заметил верховный жрец. – А ты, Цетег, как оказался среди этих молодых драчунов? – спросил Цезарь у знакомого римлянина. – Я думал, ты уже вышел из этого возраста. И Вибий здесь. Аврелий, твой сын тоже среди них, – удивленно сказал Цезарь, обращаясь к префекту.

Тот нервно отвернулся. У него дернулось лицо:

– Клянусь молниями Юпитера, род Аврелиев не признает этого нечестивца своим отпрыском. Его судьбу будет решать суд. Он и Цетег затеяли эту драку, а Клодий пришел на помощь Вибию со своими друзьями.

– Что вы не поделили, Вибий? – тихо спросил Цезарь, наклоняясь к юноше. – Надеюсь, не женщину?

Юноша вспыхнул от пронизательности верховного жреца, и Цезарь понял все. Эвхарист уже успел рассказать ему о стычке, происшедшей между Вибием и Цетегом у него в таверне, а Юлий, умевший предвидеть последствия каждого поступка, был убежден, что драка произошла из-за Семпронии.

После того как Вибий столь неудачно толкнул Цетега, тот искал случая отомстить обидчику. И застав его сегодня на Субуре одного, Цетег проследовал за ним на эту тихую улочку, а затем в окружении нескольких собутыльников бросился на него. Вибию, несомненно, пришлось бы очень плохо, не появившись вовремя Клодий с двумя компаньонами. В завязавшейся драке было ранено двое римлян, и один из них весьма тяжело. За такую драку в стенах города виновные приговаривались к крупному денежному штрафу в триста ассов,⁸¹ и Цезарь понимал, сколь строг будет Антистий в подобной ситуации.

И он не ошибся. Пользуясь своим правом, Аврелий Антистий приговорил обоих зачинщиков драки к штрафу в триста бронзовых ассов, или семидесяти пяти серебряным сестерциям.

– Послушай, Антистий, – обратился Цезарь к префекту, – отпусти своего сына со мной. Префект покачал головой.

– Нет, – сурово ответил он, – Вибий пойдет с легионерами и будет сидеть в Мамертинской тюрьме до тех пор, пока не заплатит полностью всего штрафа или пока суд не освободит его.

– Ты забыл, префект, что я имею право как верховный жрец даровать свободу любому гражданину, освободив его от суда и от долговой тюрьмы. Отпусти Вибию со мной, я заплачу за него штраф.

Префект заколебался. По его решительному лицу проскользнула растерянность. Он боялся нарушить закон, послушавшись Цезаря, но и беспокоился за свою честь, освобождая сына от заслуженного наказания.

– Все будет по закону, – подсказал ему Цезарь, видя его состояние.

– Хорошо, – согласился, наконец, Антистий, – но мои легионеры сами отведут его к тебе в дом.

– Благодарю тебя, – наклонил голову Цезарь, – ты поступил мудро, и я заверяю тебя, что деньги будут уплачены еще сегодня. Отведите его ко мне в дом и скажите моему домоправителю, чтобы выплатил семьдесят пять сестерциев, – обратился Цезарь к легионерам, снимая с левой руки перстень, – отдайте ему это кольцо, и он поверит вам.

Уже выходя из толпы, Цезарь увидел знакомую фигуру, стоявшую у фонтана, почти рядом с портиком. Стоявший оглянулся, и Цезарь вздрогнул от неожиданности. Это был Марк Порций Катон. Сенатор показал жестом на уходившего под стражей Вибию.

– Вот чего вы с Катилиной добиваетесь – натравить детей против отцов, разрушить наши идеалы, разбить наши семьи.

---

⁸¹ Два бронзовых асса равнялись одному дупондию из латуни; 2 дупондия равнялись 1 серебряному сестерцию – 1 грамм; 1 серебряный денарий (4 грамма) равнялся 4 сестерциям; 1 золотой ауреус (около 8 граммов) равнялся 25 денариям.

– Ты не прав, Катон, – мягко возразил Цезарь, – я никогда не призывал разбивать наши семьи, и ты это хорошо знаешь.

Молодой сенатор не ответил, лишь сдержанно кивнул и, повернувшись, отошел от Цезаря. Негодуя на себя за ненужный разговор, Цезарь быстро перешел на другую сторону и вскоре был далеко от этого места.

Добродетельные и умные люди, подобные Катону, часто становятся обличителями пороков общества, не замечая, что сами подвержены другому пороку – нетерпимости, возносящей их на крайнюю ступень гордыни и эгоизма. Полагая, что все остальные развращены пороками, они присваивают себе исключительное право на истину, забывая о том, что истина не может принадлежать одному человеку или небольшой группе людей.

Выйдя к подножию Виминала, Цезарь остановился у небольшого портика, ведущего в дом. Открытый с трех сторон и образуемый колоннами, портик завершался треугольным фронтоном, на тимпане которого был изображен бог посевов Сатурн во время красочного обряда сатурналий.⁸² У дома стояло несколько легионеров во главе с центурионом. Увидев верховного жреца, они почтительно расступились.

Пройдя портик, Цезарь вошел в дом. Встретивший его управляющий провел верховного жреца через все комнаты в сад. Перистиль был полон чудесного аромата цветущих деревьев, дающих свои плоды и глубокой осенью. В глубине сада находилась беседка, почти закрытая деревьями. Вода била из фонтана в нише, стекала в бассейн, откуда шла небольшим протоком между ложами, а посреди беседки опять била фонтаном.

В беседке сидели два человека, в одном из которых Цезарь узнал хозяина дома Гая Матия.⁸³ Известному землевладельцу шел сороковой год. Рано отошедший от военной службы и государственной карьеры, Матий посвятил свою жизнь созданию новых сортов яблок и постепенно, из года в год улучшая их свойства, сумел добиться таких успехов, что лучшие яблоки в Риме стали называться матианскими плодами.

Вся его внешность излучала умиротворение, доброту, словно это увлечение наложило неизгладимый отпечаток на черты его лица. Среднего роста, очень подвижный, тучный, он был почти лысый. Близорукие голубые глаза, мягко смотревшие на мир, он постоянно прищуривал так, что мешки под глазами были особенно заметны. Толстые губы всегда были сложены в какую-то грустную полуулыбку. Образованный человек, он был большим почитателем философии Эпикура,⁸⁴ сблизившись на этой почве со многими поэтами и учеными «Вечного города».

Цезаря всегда привлекали независимость ума и глубина суждений Гая Матия.

Вторым человеком, сидевшим рядом с хозяином дома, был консул Цицерон, давно друживший с Матием.

– Да пошлют тебе великие боги удачу, славный Цицерон, – начал с традиционного приветствия Цезарь. – Приветствую тебя, Матий, – обратился он к хозяину дома.

– Привет и тебе, достойный Цезарь. Да окажет Юпитер тебе свое покровительство, – улыбнулся Цицерон.

Матий радостно поклонился, приветствуя гостя. По распоряжению хозяина в беседку была подана еще одна чаша, и гость уселся рядом, вдыхая неповторимый аромат плодов Матия.

– А почему я не вижу твоих ликторов,⁸⁵ Цицерон? – спросил Цезарь. – В такое время тебе нельзя ходить одному по городу.

---

⁸² Сатурналии – 17 декабря, праздник посева в честь бога Сатурна – бога посевов, научившего людей земледелию, дающего изобилие.

⁸³ Гай Матий – друг Цицерона и Цезаря, известный землевладелец.

⁸⁴ Эпикур (341–270 гг. до н. э.) – греческий философ-материалист, учение которого обозначило целую эпоху в мировой философии.

⁸⁵ Ликторы с фасциями. Впереди консулов обычно шли двенадцать ликторов, несшие пучки розог, в которые вне стен города втыкались топоры, а впереди преторов шли шесть ликторов.

– Они завтракают в доме, – мягко улыбнулся Цицерон, – ты, кажется, решил проявить заботу о моей безопасности?

– Думаю, ты сам способен хорошо ее обеспечить. Это тебя так тщательно охраняют легионеры на улице? – иронично спросил Цезарь, указывая на вход.

Гай Матий весело рассмеялся:

– Не успев даже поприветствовать друг друга, вы готовы спорить. Хотя, признаюсь, мне всегда интересно следить за вашими разговорами. Если не считать Квинта Гортензия, вы, наверное, лучшие риторы не только в Риме, но и далеко за его пределами.

– Нет, – покачал головой Цезарь, – мне трудно состязаться с таким признанным мастером слова, как Цицерон.

– Верховный понтифик явно преувеличивает мои скромные заслуги, – возразил консул, – я ведь помню, как блестяще ты выступал полгода назад, когда тебя избрали верховным жрецом. В тридцать семь лет еще никто не удостоивался такой чести в Риме.

– Римский народ оказал мне доверие, и я был не вправе отказать ему, – сумел погасить улыбку Цезарь.

Консул и верховный жрец смотрели друг на друга, с трудом сдерживая смех. Цицерон хорошо знал, как был избран Цезарь, потративший невероятные суммы на подкуп избирателей и наделавший огромные долги за несколько месяцев. Уходя утром на выборы, он даже признался матери: «Сегодня ты увидишь меня либо верховным жрецом, либо изгнанником».

На выборах Цезарь собрал в два раза больше голосов, чем его основные конкуренты – Квинт Лутаций Катул и Публий Сервилий Ваттий Иссаварик.

– Я это знаю, – кивнул Цицерон, – а теперь ты выставил свою кандидатуру в городские преторы и, конечно, считаешь, что римский народ окажет тебе доверие. Не слишком ли много, Юлий? В течение года две важнейшие должности в Риме. Я не удивлюсь, если через три года тебя выберут и консулом.

– Если такова будет воля сената и народа римского, я охотно им подчинюсь.

– Как и всякий законопослушный гражданин, – Цицерон развел руками. – Поистине римский народ благоволит потомкам Юлиев.

– Я думаю, он благоволит и жителям Арпина, – невозмутимо отозвался Цезарь, – сначала Гай Марий, теперь ты. Видно, удел Арпина давать только выдающихся консулов.

Все трое рассмеялись, а хозяин дома сквозь смех сказал:

– Вы, кажется, решили сегодня только хвалить друг друга, воздавая каждому свое. Кстати, Цезарь, ты, наверное, не знаешь, что вы далекие родственники. Ведь тетка Мария была родной бабушкой нашего консула, а сам полководец приходился тебе дядей, мужем твоей тетки.

– Я это знал, – кивнул головой Цезарь, – и поэтому всегда очень хорошо относился к нашему консулу.

– Настолько хорошо, что готов голосовать на выборах за Катилину, – напомнил Цицерон, – кстати, я все время хочу спросить нашего общего друга Марка Красса, откуда катилинarii берут такие деньги? Они ведь погрязли в долгах вместе со своим вождем. Ты случайно не знаешь откуда?

– К сожалению, не знаю, – лицемерно вздохнул Цезарь, – а ты случайно не знаешь, почему Катон и оптиматы так настроены против нас?

– А разве оптиматы раньше очень любили популяров? – спросил Цицерон.

– А что, Красс уже стал популяром? По-моему, он всегда был верным оптиматом, – парировал Цезарь.

– Был, – подчеркнул Цицерон, – был. А сейчас он против оптиматов.

– Так рассуждают оптиматы. И Красс должен в ответ на такие чувства давать деньги Катону и его друзьям? – насмешливо спросил Цезарь.

– От богов мы получаем рассудок, хотя и не уверен, что его получают все. Но как употребить его, зависит от нас, – назидательно проговорил консул.

Рабы Матия поставили на столик медовый напиток и вино, но Цезарь и Цицерон, не сговариваясь, показали одновременно на медовый напиток. Хозяин приказал принести воду, чтобы разбавить густое вино, которое готовили на его плантации в Этрурии.

– Ты знаешь, в чем твоя ошибка? – сказал Цезарь, сжимая в руках чашу. – Ты не хочешь видеть другие цвета. Для тебя все однозначно. Или за Катилину, а значит, против тебя и республики, или за тебя, а значит, и за республику и против Катилины. Но есть много промежуточных тонов.

– Я не считаю, что моя особа столь священна для республики. Но как высшее должностное лицо Рима, – немного напыщенно начал Цицерон, – я обязан отвечать за порядок в городе, где Катилина собирается устроить резню. И число его сторонников в Этрурии все время растет. Поэтому через два дня на выборах я отдам свои голоса Дециму Силану и Лицинию Мурене, против Катилины и его сторонников, да поразят боги этих нечестивцев.

– А за кого будешь голосовать ты, Матий? – обратился Цезарь к хозяину дома.

– Я предпочел бы не выбирать, – честно признался Матий. – Кто лучше? Как решить? Бессовестный Мурена, нажившийся на военных походах и откровенно покупающий сегодня голоса избирателей, погрязший в роскоши Силан, тупой и упрямый, как понтийский мул, или развратник Катилина. Вот это выбор. И вы, два самых умных человека в городе, всерьез обсуждаете, кто лучше из них.

– Приходится выбирать худшее из зол, – честно признался консул.

– Но раз ты это знаешь, подай свой голос против всех трех кандидатов. Выбирайте достойных, которые могут представлять весь римский народ, которые попытаются что-то сделать для всех наших граждан, а не только для себя и своих родственников.

– Ты не прав, Матий, – спокойно сказал Цезарь, – каждый избранный на этот пост старается думать о гражданах в меру своей честности. Но каждый хорошо знает, что полученный пост временный. А раз так, нужно получить хорошую провинцию после консульства, чтобы разбогатеть, и постараться, находясь у власти, решить все свои дела и, если можно, дела своих родственников. Такова человеческая природа, и мы не можем ее изменить. Живые примеры еще свежи в памяти. Гай Марий семь раз избирался консулом в дни наивысшей опасности для республики, а неблагодарная толпа радовалась, когда его тело выкопали из могилы и бросили в реку Аниен.

– А Сулла, – напомнил Цицерон, – при жизни он был и Великий, и Счастливый, и Могущественный, а едва умер, как его начали поносить все те, кто при его жизни не осмеливался сказать ни слова, потакая ему во всем. И его ближайшие соратники, Помпей и Красс, даже отменили все сулланские законы.

– Тем более, – грустно сказал Матий, – вы же знаете все это, видите. Да разве можно так жить. Я сторонник Эпикура, вы это знаете, и не верю в бессмертие души. Все смертно. Из зерен вырастает плод, из плода – зерно. Тщетна суeta человеческая. Но что происходит с нами при жизни. Химера власти, денег, славы прельщает умнейших из нас. В огромном городе многие уже не хотят даже знать друг друга. Сосед не помогает соседу. Идя в армию и на службу, каждый старается получить выгоду, не думая о служении отечеству. Каждый старается пролезть вперед другого, оттолкнуть, унижить своего соперника. О каком величии Рима мы говорим, когда наши улицы полны вражды, предательства, интриг, измен. Вспомните, сколько людей получили деньги при Сулле за предательство, стали доносчиками на своих близких, друзей, соседей. – Лицо Матия сморщилось, словно от боли. – И эти люди смели называть себя римлянами. Осмелюсь напомнить вам пример из нашей истории, когда Ганнибал захватил двенадцать римлян, принадлежавших лучшим фамилиям Рима. Он согласился отпустить их в город на переговоры под честное слово, если они пообещают вернуться в лагерь. После их выхода

один из римлян вернулся назад якобы за забытой вещью и вскоре присоединился к своим товарищам. Через месяц к Ганнибалу вернулось одиннадцать человек, но двенадцатый решил, что данное слово он уже сдержал. По-своему он был прав. Ведь, действительно, он вернулся в лагерь, выйдя из него. Но наши предки сочли такой поступок недостойным римлянина и выдали его Ганнибалу. Я мог бы привести много примеров нашей добродетели и мужества, но вы знаете все это даже лучше меня. А сегодня? Все больше на выборах побеждает не доблесть солдата и мудрость политика, а талант интриганов, умение болтунов, сумевших выставить себя защитниками народа, толщина кошелька кандидатов, на которые они откровенно покупают голоса избирателей. Скромность, честь, простота, доблесть не в почете. Никто не хочет прислушаться к советам другого, каждый поступает, как ему хочется. Едва получив власть, каждый старается воспользоваться ее привилегиями, забывая о своих многочисленных обязанностях.

– Я сам говорил о разложении нравов в нашем городе, – вставил Цицерон.

– Я слышал о твоём выступлении в сенате, – сказал Матий, – но почему ты считаешь, что источник зла – Катилина? А чем лучше твой друг Катул? Разве он не предлагал Цезарю большую взятку, чтобы тот отказался выставить свою кандидатуру в верховные понтифики? Может быть, Катилина просто более развращен, чем остальные. Но он – наше порождение. Его воспитателями были гражданские войны, проскрипции Суллы, наши нравы в городе и провинциях, взяточничество наших чиновников. На таком фоне выросла наша молодежь. Этого следовало ожидать.

– Должен признаться, что я не ожидал встретить в твоём лице такого обличителя наших нравов, – признался Цезарь, – но ты сам мог бы помочь городу выдвинуть свою кандидатуру в консулы. Однако ты предпочитаешь разводить яблоки.

– Я делаю то, что мне нравится, Юлий, и не пытаюсь делать того, чего не умею. Из меня получился бы плохой консул. Для такой должности нужно иметь ваши способности, а их у меня нет. Но я верю в будущее Рима и римлян. Мне не нравится его сегодняшней день, но я верю, что он скоро пройдет, и новый день принесет нам нравственное очищение.

– Увидим, – загадочно улыбнулся Цезарь, – все зависит от воли богов.

Цицерон усмехнулся. Он хорошо знал, как верховный жрец верит в богов. Они обменялись быстрыми взглядами с Цезарем, и оба поняли друг друга без слов. Матий этого не заметил.

– Я думаю, – продолжал хозяин дома, – вы вспомните нравы наших предков. Прадед нынешнего Катона – Марк Порций Катон Старший, будучи цензором, исключил из состава сената одного патриция за то, что тот поцеловал свою жену при дочери. Подумать страшно, какой путь мы прошли всего за несколько поколений. И я не вижу ничего, что могло бы остановить сегодня наше разложение. А раз так, я решил разводить яблоки. Политика сегодня – это подкуп избирателей, грязные интриги магистров, сделки за спинами римлян. Эта игра не для меня.

– Это не лучший выход, Матий, – словно раздумывая, сказал Цезарь, – не вмешиваться в события, предоставив их самим себе, быть посторонними наблюдателями. Я очень ценю твою честность, но я никогда не смог бы последовать твоему примеру. Раз таковы правила этой игры, будем играть по этим правилам.

– Цезарь предпочитает быть плектром в политике, которую он считает кифарой,⁸⁶ – заметил Цицерон, – и самому бить по ее струнам. Но я согласен с ним, Матий. Ты ведь знаешь, я переписываюсь с Посидонием,⁸⁷ который стал после смерти Понэтия⁸⁸ главой школы стоиков, и он написал мне, когда я стал консулом, что стоику претят мысли о власти, но власть необходимо

---

⁸⁶ Плектром называлась небольшая палочка, которой били по музыкальному инструменту – кифаре, извлекая таким образом звуки.

⁸⁷ Посидоний Апамейский (135—51 гг. до н. э.) – греческий философ-стоик, глава школы Средней Стои после смерти Понэтия Родосского.

⁸⁸ Понэтий – глава родосской школы стоиков (185–109 гг. до н. э.).

давать истинно мыслящим людям, и, следовательно, я поступил правильно, выдвинув свою кандидатуру.

– Я не признаю учения стоиков, – заметил хозяин, – и позволь мне остаться при своем мнении. Согласно учению Эпикура, человек по природе своей превосходит все прочие живые существа, и он подобен великим богам во всем, кроме бессмертия. А человек рожден прежде всего для того, чтобы созерцать мир, размышлять и действовать на благо этого мира. Для меня идеал гражданина – римский диктатор Квинций Цинциннат. Когда к нему приехали послы сената, он обрабатывал землю. Вытерев пот и пыль, он надел тогу, поехал в Рим, разбил врагов и на шестнадцатый день, сложив свои полномочия, снова вернулся на свое поле. Я хочу, чтобы вы меня поняли. Ведь мы не радуемся нашей жизни, в которой столько наслаждений – телесных, духовных, чувственных. Можно провести ночь с несколькими куртизанками, но не получить истинного наслаждения. Можно напиться до потери сознания и не почувствовать прелести аромата вина. Вот вы похожи на этих людей. Так же, как и остальные, стремитесь к власти, а получив ее, стараетесь забыть обо всем на свете, кроме самого себя. Нужно просто счастливо жить, не стремясь осложнять свою жизнь ненужными заботами.

– Ты противоречишь сам себе, Матий, – возразил Цицерон, – а кто тогда выступит против нынешних нравов, против людей, подобных Катилине, если все будут только наслаждаться жизнью?

– Если все общество будет состоять из людей, обладающих совершенным разумом, зло в этом мире исчезнет и Катилина останется один.

– Но беда в том, что все общество не может состоять из таких людей, – вздохнул консул, – и поэтому мы должны бороться против тех, кто, пользуясь невежеством толпы, склоняет ее к противозаконным актам.

Подошедший домоправитель что-то быстро сказал хозяину дома, и Гай Матий встал и, извинившись, покинул своих собеседников. После его ухода оба молчали, избегая смотреть в глаза друг другу. Наконец Цицерон осторожно сказал:

– Ты, кажется, приглашен в термы Минуция?

– Да, – ответил Цезарь, метнув быстрый взгляд на консула, – ты тоже приглашен на завтра?

– Говорят, там соберутся некоторые наши сенаторы, – ушел от прямого ответа Цицерон.

Цезарь понял, что завтрашнее приглашение в термы Минуция будет последней попыткой оптиматов уговорить популяров не поддерживать на выборах Катилину. Он незаметно усмехнулся. Интересно, что они предложат лично ему.

– Красс знает? – спросил он уже деловым тоном.

– Его пригласят сегодня вечером.

– А Катон?

– Что Катон? У него свои принципы. Я ему уже говорил, что он всегда забывает, где живет. Не в идеальном государстве Платона, а среди подонков Ромула, – покачал головой Цицерон.

– И что он ответил? – усмехнулся Цезарь.

– Тем хуже для подонков. Нет, он ничего не знает.

– Не хочет знать или не знает? – спросил, уточняя, Цезарь.

– Не хочет знать и не знает, – четко произнес Цицерон.

– Бедный Матий, – в голосе Цезаря прозвучала плохо скрытая ирония, – столько говорил о нравственности, Эпикуре, грязной игре и вот что получил в своем собственном доме – сделку за спинами римлян.

– Но он ведь сам сказал, что все честные люди должны объединяться, – рассмеялся Цицерон.

Оба были довольны беседой, как два человека, отлично понявших друг друга.

Глава VIII

*За власть любую цену можно дать...
Лиций Анней Сенека*

Великолепие городской архитектуры «Вечного города» не могло возникнуть за несколько десятков лет. Семь холмов Рима застраивались постепенно, век за веком вбирая в себя все наилучшее и современное для архитектуры того периода. Строительство некоторых храмов шло десятки лет, холмы заселялись в течение сотен лет, и к 691 году своей истории Рим был одним из самых красивых городов цивилизованного мира.

Многочисленные термы и бани, воздвигнутые римлянами, поражали иностранцев, впервые попадающих в «Вечный город». Непосвященному человеку трудно было понять, какое значение придают суровые латиняне этим строениям, отличавшимся таким разнообразием форм и непривычностью масштабов.

Именно в термах римляне узнавали последние городские новости, вести из провинций, из других стран, обсуждали цены на хлеб, рабов, скотину, другие товары, говорили о кандидатурах магистратов, выдвигаемых на этот год. Своеобразным центром политической жизни города были и термы Минуция. Строительство их началось еще в 533 году римской эры консулом Марком Минуцием Руфом, почти одновременно с началом строительства Фламиниевой дороги. Но начавшаяся через три года 2-я Пуническая война надолго задержала строительство, не позволяя римлянам тратить силы и средства. В 557 году римской эры, уже после победы над Карфагеном и разгрома македонского войска у Киноскефал,⁸⁹ в год консульства Гая Корнелия Цетега и Квинта Минуция Руфа грандиозное строительство на Авентине было закончено.

Построенные из альбанского туфа и белого этрусского мрамора, термы стали излюбленным местом отдыха многих знатных римлян. На арочных конструкциях терм, искусно украшенных греческими мастерами, были изображены все двенадцать богов римского пантеона. Но великолепному архитектурному ансамблю терм не суждена была долгая жизнь. Во время пожара в городе в 817 году римской эры, в период правления императора Нерона и консулов Гая Лекания Басса и Марка Красса Фруги, термы постигла участь большинства старых зданий на Авентине. Пожар уничтожил их почти полностью. Позднее, уже в период правления императора Веспасиана, эти места были застроены многочисленными инсулами.

В самый канун выборов термы обычно пустовали, так как римляне предпочитали видеть кандидатов воочию и лишний раз убеждаться в их щедрости. Последнее, разумеется, было куда важнее.

Однако в этот день именно к термам Минуция спешил верховный понтифик, которого уже ждали собравшиеся там сенаторы. И хотя по римскому времени было около девяти часов утра, Цезарь очень торопился.

Поднявшись в этот день с рассветом, верховный жрец быстро позавтракал и в течение почти двух часов принимал клиентов, разбирая их жалобы и просьбы. После чего еще в течение двух часов принимал жрецов своей коллегии, обсуждая с ними предстоящие процедуры ауспий во время выбора магистратов. После небольшого отдыха он занялся гимнастическими упражнениями. Несмотря на свой жреческий сан, Цезарь справедливо считался одним из лучших фехтовальщиков в городе. В Риме было лишь несколько человек, которые могли соперничать с ним в этом искусстве. Словом, первая половина дня прошла у Цезаря как обычно.

---

⁸⁹ Киноскефалы – дословно: собачьи головы. Сражение, во время которого римляне разгромили македонскую армию в ходе 2-й Македонской войны (200–197 гг. до н. э.).

У самого входа в термы его приветствовал управляющий, проведя с поклоном до аподитерия.⁹⁰ Верховный жрец заплатил ему символическую плату в один сестерций. Плата была действительно символической, так как попасть в термы Минуция не могли даже очень богатые люди. Войдя в аподитерий, Цезарь обнаружил там сразу шестерых римских граждан, нетерпеливо ожидавших его прихода. На левой стороне зала сидели уже успевшие раздеться Марк Красс, Лициний Мурена и Метелл Непот. Справа раздевались Децим Силан и Марк Цицерон. Катулу, сидевшему рядом, помогали раздеваться сразу три рабыни, аккуратно укладывающие его тогу на край скамьи.

Разноцветный мозаичный пол аподитерия великолепно гармонировал с фресками сцен, изображенных на стенах помещения. Здесь была Медея с сыновьями, находящаяся в гиппокаусте, Пеллий с дочерьми, выходящими из терм, и многие другие сцены античного омовения древних героев мифов. Белые фигуры богов, стоявшие на постаментах, резко контрастировали с темно-красным мрамором стен. На мозаичном полу ярко сверкали блески голубоватого мрамора.

Цезарь радушно поздоровался со всеми присутствующими и прошел к скамьям, позволяя рабыням раздеть себя. Увидев верховного жреца, Цицерон улыбнулся особенно радостно:

– Я твердо верил, что ты сегодня придешь, Цезарь. Боги благоволят мудрым и оказывают им свое покровительство.

– Именно поэтому римский народ избрал тебя консулом, – любезно ответил верховный жрец, заметив, как улыбнулись Красс и Мурена.

Напротив него было большое зеркало, вставленное в искусно вырезанное отверстие огромного голубого мраморного туфа. От его внимания не ускользнуло, как смотрит кандидат в консулы на одну из рабынь, помогавших раздеваться Катулу. Молодая гречанка все время улыбалась, не решаясь открыто засмеяться. «Видимо, новенькая, – догадался Цезарь, – нужно будет обязательно купить ее и послать в подарок Мурене. Она ему явно приглянулась». В зеркальном отражении Цезарь видел, как тот все время облизывал свои толстые, похотливо изогнутые губы.

– Я думаю, мы не будем играть сегодня в мяч, а пойдем сразу в ункторий,⁹¹ – предложил Метелл Непот. Сердитый и надутый, он даже в термах старался не терять своей значительности. Недавно избранный народным трибуном на следующий год, Метелл Непот пользовался большим авторитетом в городе благодаря родственным связям с самим Гнеем Помпеем. Жена прославленного полководца Минуция была родной сестрой Метелла Непота. А близкие родственные связи с сильными личностями более всего помогали в Риме завоевывать авторитет и уважение в обществе, будто одни имена и титулы родственников могли добавить человеку ума и талантов. Общество, лишенное главного ориентира в своей шкале нравственных ценностей, возвеличивающее человека не по истинным заслугам, а благодаря родственным связям, неизбежно переживает процесс моральной деградации, заменяя подлинные идеалы ложными.

– Я распорядился, чтобы в унктории нас ждали лучшие бальнеаторы, – добавил Марк Цицерон, – а про игры в мяч мы вспомним сразу после выборов.

– Если на то будет воля богов, – добавил Силан.

Все семеро римлян прошли в ункторий, где их уложили на столы, покрытые парфянскими шелковыми покрывалами, и искуснейшие бальнеаторы принялись натирать их тела густым оливковым маслом. Цезарь лег на стол, стоявший между столами Красса и Цицерона.

Долгое молчание в унктории прервал, наконец, Катул.

---

⁹⁰ Аподитерий – раздевальня, откуда обычно начиналась процедура купания в банях. Подробно описана Плинием Младшим в его Книге II, письме 17.

⁹¹ Ункторий – зал для натираний.

– Завтра выборы, Цезарь, и ты, конечно, знаешь, зачем мы все здесь. Нас волнует, кто сумеет победить на выборах, кто пройдет в консулы. Разногласия между оптиматами и популярями существуют, но сейчас важно одно – чтобы не прошел Катилина. – Катул закашлял, переворачиваясь на бок и, отдышавшись, снова продолжал: – Катон, Агенобарб, Бибул – все были против нашей встречи, но я сумел настоять на ней. Хотя, если великие боги сохранят нас до сатурналий, мы должны будем благодарить и нашего консула Цицерона. Это он сумел организовать сегодняшнюю встречу.

– Мои заслуги очень скромны, – приподнял голову Цицерон, – я только мечтаю объединить всех римлян против надвигающейся опасности.

– И поэтому сегодня мы здесь, – подтвердил Катул. – Я знаю, Цезарь, что за тобой идут популяря. Еще не поздно отказаться от поддержки Катилины, и тогда мы примем все ваши условия.

Кряхтя под могучими руками бальнеатора, Красс недовольно прохрипел:

– А какие именно условия вы примете?

– Все, – негромко сказал Катул, – все, что вы хотите. Но должны пройти в консулы Мурена и Силан.

Мурена довольно усмехнулся и повернулся на другой бок, чтобы никто не мог видеть его счастливого лица. Децим Силан, напротив, постарался приподняться повыше, словно для того, чтобы все присутствующие могли его рассмотреть.

Цезарь молчал, и, глядя на него, молчал и Красс. Первым не выдержал Силан:

– Мы ждем твоего решения, Цезарь.

Верховный жрец знаком поблагодарил бальнеатора и, поднявшись, сел на столе, подминая под собой парфянский шелк. Шесть заинтересованных лиц обратились к нему. Стоявшие в унктории фигуры богов смотрели пустыми глазами, провожая уходящих рабов.

– Мой друг Красс и я хотим знать, какие условия предлагают оптиматы нашим сторонникам, а наш общий друг Метелл Непот, наверное, хочет знать, что вы можете дать ветеранам Помпея.

С трудом приподнявшись, сел на скамье Катул. Его старческое тело казалось почти женским из-за отсутствия мускулатуры и растительности на груди. Он зло посмотрел на большой живот Красса и начал говорить своим задыхающимся голосом.

– Ты, Цезарь, пройдешь в городские преторы вместе с Марком Кальпурнием Бибулом. Затем после претуры ты сможешь поехать в Испанию или в любую другую провинцию по выбору. И хотя закон запрещает покидать Рим верховному жрецу, для тебя будет сделано исключение специальным распоряжением сената. Кроме Силана, мы, конечно, поддержим на выборах и Мурену. Процесс против него будет прекращен или закончится его оправданием. Сам консул Цицерон обещает вести дело Мурены. Если Красс поручится за тебя, мы разрешим тебе уехать без оплаты своих долгов, хотя и в этом случае наши законы запрещают это делать.

– А что предложите Крассу и нашим друзьям? – спросил Цезарь, словно это было единственным, что его волновало.

– Крассу разрешат по-прежнему скупать любые дома в Риме и его окрестностях. Мы продлим его цензорские полномочия еще на один срок. Он получит преимущественные права на торговлю хлебом и поставки хлеба в город.

– На сколько лет? – деловито спросил Красс, в алчных глазах которого блеснули золотистые огоньки. Когда дело касалось доходов, Крассу изменяли даже его разум и воля.

– На три года, – осторожно сказал Катул, – но с правом продления его в сенате, – тут же добавил он, увидя вытянувшееся лицо Красса.

Бальнеаторы, уже закончившие работу, давно вышли из унктория, но осторожный Цицерон все же насторожился, услышав чьи-то шаги. Это был управляющий термами, предложив-

ший гостям идти в тепидарий,⁹² где они могли прогреться. Желаящих в фригидарии⁹³ ждал бассейн с холодной водой, но таковых в этот холодный осенний день не оказалось. При такой погоде никто не хотел прогреться и в лаконике.⁹⁴ Все единодушно выбрали тепидарий и вскоре сидели там, наблюдая, как от горячо натопленного пола клубятся столбы пара.

Цезарь продолжил прерванный в унктории разговор.

– Существует еще лагерь Манлия. Наш консул Цицерон клятвенно утверждал в сенате, что в Этрурии разбит лагерь сторонников Катилины. Что будет с ними? Если вдруг Катилина не пройдет в консулы, он возглавит эти войска, и тогда гражданская война неизбежна.

Цицерон нервно хрустнул костяшками пальцев.

– Тогда тога и меч выступят против этого безумца, и боги покарают его, – напыщенно сказал консул и тут же лицемерно вздохнул, – но я надеюсь, что до этого не дойдет. – Цезарь внимательно посмотрел на него, словно видел впервые, затем перевел взгляд на остальных. Лишенные привычной одежды, почти голые, эти люди являли собой жалкое зрелище. У многих свисали большие животы, виднелись дряблые мускулы, на ногах отчетливо проступали синие прожилки сосудов.

Самым молодым среди собравшихся был Цезарь. Его стройное, молодое, тренированное тело резко выделялось среди других, словно молодой бог сошел с пантеона, дабы устыдить этих людей великолепием своего вида. Катулу давно уже шел шестой десяток лет. Под пятьдесят было Мурене и Силану. У первого тело было в бородавках и родинках и поэтому казалось особенно неприятным. У второго на груди виднелись два плохо сросшихся шрама, полученные, очевидно, в сражениях и вывернувшие мясо наизнанку. Даже Марк Красс и Метелл Непот, несмотря на здоровый образ жизни, имели большие животы и свисающие мешки грудей. А Цицерон, вообще никогда не отличавшийся физическим совершенством, являл собой просто унижительное зрелище своей нескладной фигурой с тощей шеей и разбросанными конечностями.

«Семь голых римлян спасают наш город, – пришла в голову Цезаря нелепая мысль. – Неужели они не видят себя со стороны? Многие из них достаточно умны. Все они действительно убеждены, что творят политику Рима. Какие у них важные и надменные лица. С них сорвали одежду, и уже обнажилась их физическая немощность. А если великие боги действительно существуют, и они позволят однажды увидеть души этих людей. Какое зрелище может открыться тогда нам всем. Нужно верить в богов, – невесело подумал верховный жрец, – поистине они мудры и терпеливы, если видят это жалкое зрелище человеческих душ и терпят подобное кощунство рода человеческого. Какое страшное зрелище можно увидеть, сумей мы, подобно им, заглядывать в души людей. Какие скрытые пороки и преступления таят наши жалкие личины, какая бездна алчности, глупости, разврата, преступлений спрятана в нас. Наверное, и я подобие этих людей, – мелькнула вдруг тревожная мысль, – или я все-таки отличаюсь от них? Неужели боги дали мне разум, чтобы я видел только это отличие? Для чего мне тогда разум, если я не пользуюсь им, если оттачиваю его только в душных конклавах римских матрон. И мне суждено всю жизнь находиться в тесной толпе вот таких голых людей. Это так страшно. Скорее я готов поверить в богов, если они дадут мне подлинное величие. Но если богов не существует, значит, нужно нечто другое».

– Нам нужно решать, что делать с лагерем Манлия, – заявил Метелл Непот, прерывая ход мыслей Цезаря, – клянусь воинственным Марсом, я сам поведу легионы против этого сброда нечестивцев, потерявших честь и достоинство римлян. Но на выборах мы должны избрать достойнейших. Иначе армии Помпея придется разбить свой лагерь у стен Рима.

---

⁹² Тепидарий – помещение, где прогревались.

⁹³ Фригидарии – помещение с бассейном холодной воды.

⁹⁴ Лаконик – зал, где прогревались в сухом горячем воздухе, то же самое, что гипocaust.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.